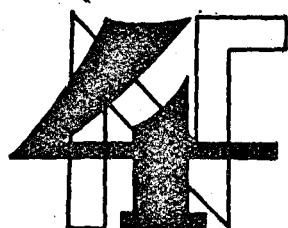

تورکمنستانى اوگره نیش

تورکمنستان مەركەزى ایجرائیه تامته تی یانیندا، لکه تاریخى
اوگره نیش قامیه تىنك آید ابرکەزەك چیقاریان

جورنالى

35838298

ДЕКАБРЬ

1927г.

АШХАБАД

А. Ф. 3000/1/2715

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КОМИТЕТА

ПРИ ТУРКМЕНИКЕ

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

Фундаментальный

Всесоюзный

К. У. (Д. А.)

Человек и природа Туркмени

Из жизни кочевий Мервского округа.

Г. К о с т и н.

„О том, что я ушел с места, знает только ветер, а о том, что я поселился на новое место, знает только долина“

(Туркменская поговорка).

Вдали от городов и утопающих в зелени земледельческих аулов, среди моря песков, там, где ветер — полновластный хозяин степи, там, где по необъятному пространству переливаются потоки песков, дополняющие своим монотонным шуршанием песнь властелина степи — ветра, — есть жизнь, там тоже живут люди.

Там, далеко, за сотнями, тысячами, сотнями тысяч гряд высоких бархан, в лощинах у подножья сыпучих холмов, у колодезев, приютились серые, невзрачные на вид, покрытые песком, походные дома-кибитки.

Их немного. Десяток, два, а то и того меньше. И только изредка 40—50 и еще реже 80—100.

Каждый колодезь — островок. Обитатели этого островка всегда одни. На сотни верст вокруг ни души. Редки случаи, когда у них бывают гости из „ближайших“ аулов и еще реже бывают гости из городов и аулов культурной земледельческой полосы.

Если сегодня приехал гость, — в ауле оживление, но завтра той тропы, которую проложил караван гостя, — нет. Ее засыпал песок.

Постоянного там нет ничего, все живет сегодняшним днем. Сегодня — здесь, завтра — там. Только место юрт, еще не совсем засыпанное песком, свидетельствует о том, что здесь был аул, что здесь жили люди. Пройдет день, два, три, наконец, неделя, месяц и все следы скроются под песком. И там, где еще недавно изморенный зноем, томимый жаждой караван проложил тропу, — образуется высокий бархан.

Там жизнь течет по старому. Адат, шариат, обычаи старины в большом почете. Там вершители судеб — старшие в роду — яшули и верные служители аллаха — муллы. Их влияние и авторитет безграничны и не имеют равных себе конкурентов.

Там невежество, темнота, там знахарство (табибство), там вера во все непонятные явления природы, там всякое несчастье принимается как должное наказание аллаха, разгневанного непокорностью своих земных рабов.

Там живут скотоводы кочевники.

* * *

Жизнь скотовода-кочевника сера, по-прежнему находится в зависимости от наличия воды, пастбищных угодий, милостивого взгляда бая.

Необъятные пространства Кара-Кумов Туркмени с их пастбищными угодиями еще до сих пор — отрезанный ломоть. Оторванность, трудность сообщения до сих пор оставили их нетронутыми никакими отраслями советского строительства. Революция, и с ней пришедшая советская власть, не затронули эти далекие углы и их обитателей, разве только гражданская

война вспугнула скотоводов и заставила их уйти вглубь песков, подальше от непонятного гула взрывающихся снарядов и уныло, протяжно завывающих пуль.

Вот почему вся жизнь здесь течет по старому. Вот по чему здесь адат, шариат, обычаи старины крепко сидят в головах обитателей песков, до сих пор слепы преклоняющихся перед муллой и яшули.

* * *

Жизнь скотовода полна случайностей, неожиданностей. Сегодня здесь, а завтра засуха выгнала его с насиженного облюбованного места за сотни верст искать благополучных мест, приюта для себя и своего скота, искать такого места, где можно было бы укрыться, хотя бы на время, от безжалостного, несущего за собою смерть скоту, разорение хозяйству, врага.

А вдруг и на новом месте, за сотни верст, сочная, обильная трава будет выжжена знойным, безжалостно палящим, солнцем? А вдруг и там тоже постигнет несчастье? Что тогда? Вот постоянная назойливая мысль, которая всегда, везде, преследует скотовода и не дает ему покоя.

А что тогда? Тогда неизбежно — падеж скота и хозяйство, сколоченное годами тяжелого упорного труда, — рушится. Погиб скот, разрушено хозяйство; погибли все расчеты на лучшую, сытую жизнь, погибли все мечты скотовода. Всегда один в борьбе за жизнь, в борьбе за сохранение своего хозяйства. Дальше этого мысли скотовода не шли и не идут, и все потому, что его окружают мрак, невежество, адат, шариат, обычаи старины.

Нет школ, нет врачей, нет никого, кто бы мог просто и ясно рассказать скотоводу, что творится на белом свете, как лучше сохранить и развить свое хозяйство, как лучше наладить свою жизнь, как реагировать на те или иные явления природы.

Революция не затронула кочевников-скотоводов и не внесла до сих пор никаких изменений в их повседневную жизнь.

Аул земледельческий и скотоводческий.

Земледельческий аул. Вокруг аула-культурная полоса: арыки и поля. Местность ровная. Почва лесовая. По краям арыков насажены деревья: ветла, акация, тутовник. Аулы, обычно, расположены около арыков, кибитки поставлены рядами, тесно примыкая друг к другу.

Совершенно иное в песках. Пустынная степь с высохшей травой. Широкая дорога, проторенная арбами, здесь сменяется тропой. Местность неровная холмистая. Где идут полуукрепленные пески—она покрыта растительностью гребенчука и саксаула. Местами попадаются громадные заросли саксаула и гребенчука.

Расположение аулов иное, нежели в земледельческой полосе. Аулы обыкновенно находятся в ложбинах, где выкопаны колодцы. Кибитки стоят не рядами, а группами, (родовые группы), на расстоянии от десяти сажен до четверти версты или полуверсты друг от друга. В каждой группе 5—6—10 кибиток, бывает и больше, это в зависимости от величины аула. Аулы разбросаны на далеком расстоянии друг от друга.

Дальше, влудь за полуукрепленными песками—идут сыпучие пески, местность резко меняется, растительность уменьшается, хорошо проторенные тропы сменяются маленькими тропинками, плохо протоптанными, а местами незаметными, занесенными песком. Холмы песка, достигают 7—8 сажен в высоту. Холмы эти чисто песчаные, без всякой растительности и только в ложинах растут кустарник, колючка, трава.

Жилище скотовода.

Жилище скотовода—кибитка. Все кибитки дверями обращены на запад. Площадь кибитки невелика, в среднем 3—4 сажени. Большинство кибиток старые, обтянутые дырявой кошмой, внутри очень прокопченные. В середине кибитки небольшая площадка, выложенная кирпичем или смазанная из глины—очаг для разведения костра, который служит для отопления, освещения, варки пищи, кипячения чая и выпечки хлеба. Кибитка внутри устлана кошмами, а в богатых и зажиточных семьях—коврами, по стенам развешаны ковровые, или шерстяные мешки (чувал). Летом, когда постоянно открыта дверь и верх кибитки, а зачастую, кошма приподнимается и с боков,—света достаточно, но зимою когда все закрыто и вверху остается небольшое отверстие, служащее дымоходной трубой,—света мало.

Отопляется кибитка костром, который в зимнее время поддерживается непрерывно, благо—саксаул растет кругом и топлива много. В очень холодное время сжигается в день около 10 пудов дров. Такое отопление наполняет кибитки дымом и постоянной температуры, той комнатной температуры, к которой привык европеец, у скотоводов нет. Посредине пылает костер громадных размеров, около которого нельзя сидеть, а стоит только отодвинуться от костра и пересест к стенке кибитки, обдаст холодом также сильно, как и жаром у костра. Стоит только прогореть костру, как температура быстро спадает.

О чистоте помещения и говорить не приходится. Кошмы, постланные на песок, постоянно пропитаны и засыпаны песком, по ним ходят, на них едят и на них же спят. Кроме жилого помещения кибитка служит складом: в ней находится весь домашний скarb и имущество, так как никаких других пристроек не имеется. Кибитка разделяется на две половины. Правая (если стоять лицом к входу)—женская, левая—мужская. Женская половина служит и кухней. В кибитке сохраняется шерсть, мука, ведра, веревки, бурдюки, кувшины, чайники, котлы, шкуры свежие и старые, шубы, халаты, одеяла, белье, так что зимою и повернуться негде. Освещается кибитка, в большинстве случаев, масляной коптилкой, только в богатых семьях можно встретить керосиновые фонари.

Одежда, обувь, белье, постель.

Летняя одежда мужчин состоит из рубашки бязевой, полотняной или ситцевой и широких шаровар и халата. Шаровары бывают тоже бязевые или полотнянные. Белья обыкновенно бедные имеют одну-две пары, а зажиточные и богатые

до пяти пар. На голове, как летом, так и зимой, носят большую баранью шапку и тюбетейку. Кроме того, зимою одевают ватные халаты, хотя ваты очень мало и их покроя таков, что грудь совсем не закрывается. Шубы бзраньи и барашковые. Барашковые шубы очень дороги, стоимостью до ста и больше рублей. У женщин одежда состоит из платья и широких шаровар. Жнский головной убор, своеобразно красивый, называется «согммок», но он очень тяжелый, иногда 8—10 фунтов и чем богаче семья, тем тяжелее головной убор женщины. Свой головной убор женщина никогда не снимает (как можно предполагать, так-как было всего пять случаев наблюдения), и этот головной убор является причиной туберкулеза шейных позвонков. Вот случаи в Чашкене: обращается к врачу женщина лет 17-ти показывает шею (у нее туберкулез шейных позвонков) и рассказывает такую историю, что шея у нее начала болеть и изогнулась после замужества. Ей было 13 лет, когда ее выдали замуж. По обычаю, подруги-девушки очень колотили ее по спине и шее, а потом она свой легкий девичий головной убор сменила на тяжелый женский и вот теперь—у нее шея не гнется и искривлена. Было еще четыре аналогичных случая. Верхняя одежда у женщин—халаты, а иногда и шубы.

Обувь мужская зимою у богатых—ичиги с галошами, у бедных—чокай, летом «коуш» и сандалии, а у женщин обувь одна и та же, что летом, то и зимой—„коуш“.

Хуже всего одевают детей. Летом они бегают в одних рубашках, босиком и зимою тоже плохо одеты: тонкие халаты, на босую ногу «коуш» или просто босиком.

Белье очень редко меняется, еще реже моется детское белье. Дети бегают постоянно грязные, засаленные.

Постель стелется в кибитке на тех же кошмах, по которым днем ходят. Стелют и покрываются ватными одеялами, в головы подкладывают ватные подушки. Постель обыкновенно грязная, особенно у бедняков. Одеял у них очень мало и одеяла употребляют до тех пор, пока останутся от них одни клочки. Скотоводы не моются. Взрослые умывают ежедневно только лицо и руки, а мужчины даже несколько раз перед тем как идти на молитву, но зато детей совсем не моют и не умывают. Бегают они грязными, лица замазаны и засалены. Развита большая вшивость и кожные заболевания.

Санитарное состояние аулов.

Понятия о санитарных и гигиенических условиях у скотовода отсутствуют, загрязненность аулов очень большая. Все отбросы выбрасываются тут-же в ауле. Площадь около кибиток никогда не подметается. Обыкновенно, место расположения аула через некоторое время 1½—2 года настолько загрязняется, что аул должен переходить на другое место. Аулы Мервского округа так и делают, они переселяются время от времени на новое чистое место. Это переселение скотоводы совершают обыкновенно вокруг своих колодцев, но все-же благодаря тому, что они могут кочевать с места на место, и что песчаная почва с одной стороны легко всасывает всякие жидкости, а с другой—заносит—нечистоты песком, скотоводческие аулы выглядят чище и привлекательнее многих земледельческих.

В о д а

Главный фактор жизни в песках у скотоводов—колодцы. Местами (Чашкен) колодцы устроены просто. Небольшое, круглое или четырехугольное отверстие, диаметром до 2 аршин, выложенное саксаулом или гребенчуком. Далее колодец идет, быстро расширяясь вниз, с обделкой или без нее в зависимости от почвы (где почва только песчаная, там на большем расстоянии колодец выложен саксаулом). Колодцы, выложенные саксаулом, гораздо лучше колодцев, выложенных гребенчуком; последний скоро начинает гнить, от этого портится колодец, и вода в таких колодцах бывает тухлая. Глубина колод-

цев достигает 40 аршин. Расположены они на пастбищах или в аулах группами по несколько колодцев. Воды в колодцах в летнее время меньше, кроме тех мест, где вода держится постоянно на одном уровне. В некоторых колодцах вода становится совсем непригодной для питья, очевидно верхний, водоносный слой, бедный водою, который дает колодцу пресную воду, в летнее время совсем высыхает. Скотоводы сами говорят о том, что качество воды во многих колодцах зависит от дождей. Аул Бокурдак—Чирласы имеет группу колодцев, из которых можно пить воду зимой, осенью и весной, а летом вода настолько горькая, что они вынуждены перекочевывать в аул Хан Кую и возвращаться обратно только тогда, когда пойдут дожди, и то в начале пресной воды бывает мало и обыкновенно для питья приходится брать воду утром, пока сверху имеется накопившаяся за ночь пресная вода. Вообще вода чашкенских колодцев горьковатая, соленая и затхлая. На вид вода чистая, механических примесей не содержит. Достают ее обыкновенно кожаными мешками, носят или в глиняных кувшинах или в ведрах (больше в перьях). Хранится вода или в бурдюках или в кувшинах. Сырая вода в большом употреблении. Маленькие дети совсем никогда не пьют чая, а пьют только сырую воду.

В тебженском районе колодцы представляют из себя ямы, не широкие, глубиной от 3 до 15 аршин, многие из них совершенно открытые и не выложенные ничем. Приход воды в таких колодцах небольшой, почему в группе насчитывается колодцев до 20-25. Вода пресная хорошая. Только летом во время сильной жары, когда в колодцах воды мало, она становится соленой и горькой, но как только пойдут дожди, вода вновь во всех колодцах становится пресной.

П и т а н и е

Вопрос питания скотоводческого населения—важный вопрос в жизни скотовода. На первый взгляд кажется, что скотовод питается хорошо или лучше, нежели дехканин, вследствие того, что он имеет у себя в достаточном количестве главный продукт питания—мясо. Но если тщательно разобраться, то выходит совсем не то. Вот первый факт, который заставляет призадуматься:—это туберкулез, который очень распространен среди скотоводов, цынг, рахит и желудочно-кишечные заболевания. Туберкулез—тач, где ему, казалось бы, совсем нет места. Ведь живут скотоводы небольшими аулами, пользуются постоянно, днем и ночью, свежим воздухом, и солнцем и все-таки туберкулез есть. Рахит и цынга прямо указывают на то, что с вопросом питания обстоит неблагоприятно. При чем, чем дальше отстоят аулы от торговых центров и питание ограничивается теми только продуктами, которые имеются в запасе,—тем больше цынг и рахита—прямых последствий неправильного и недостаточного питания.

Доставка в кочевья продуктов питания обходится очень дорого, т. к. скотоводу необходимо специально выезжать за ними в город. Торговли в кочевьях нет никакой. Если изредка, джирчи и завозят что либо, то за свои продукты они дерут чрезвычайно высокие цены. А поэтому, население кочевий вынуждено прибегать, главным образом, к мясной, а растительной пищи, за исключением пшеничной муки (размола), и в небольшом количестве риса и лука,—не употребляет.

Молочные продукты у скотовода бывают только в течение месяца-полутора во время удоя баранов (апрель-май месяцы).

Питание скотоводов ограничивается следующими блюдами:

1) „Полау“—готовится большей частью в зажиточных, богатых семьях при почетных гостях. Сами же скотоводы

„полау“ едят раз или два в месяц. Это блюдо считается лучшим кушаньем. В состав „полау“ входят или баранье сало, или кунжутное и хлопковое масло, рис и мясо. Все перечисленное берется в следующих соотношениях: на 3 фунта риса 1 фунт жиров и 2 фунта мяса, затем берется немного моркови и лука.

2) „Буламак“—приготавливается из муки (обыкновенного размола) и масла бараньего. Это кушанье употребляется даже, как лечебное средство: им кормят сейчас же после родов женщину для того, чтобы она скорей была здоровой и чтобы у ней было хорошее молоко. Продукты берутся в таких соотношениях: как лечебное средство—на фунт муки—фунт масла и как обыкновенное кушанье—на 1 фунт муки $\frac{1}{2}$ фунта масла.

3) „Унаш“—кушанье, которое больше всего употребляют бедняками. Приготавливается оно так: круто замешивается тесто, раскатывается и режется как лапша, отваривается в воде, заливается чалом (верблюжьим молоком) и посыпается красным перцем.

4) „Яг-Шурпа“ готовится очень быстро (служит почти повседневным блюдом). Крошится мелко чурек и заливается водой с салом; если есть лук, то добавляют его. Чаще всего этим блюдом кормят детей.

5) „Кара-Шурпа“—аналогично предыдущему блюду с добавлением мяса.

6) „Кайнарма Шурпа“—(зимнее кушанье). Берут сушеные кости, варят бульоном заливают крошечный хлеб.

7) „Коурма-Шурпа“—кости, сало и мясо, режутся мелко, пережариваются и хранятся в кувшинах, едят просто в застывшем виде или кипятят с водой и заливают крошечный чурек.

8) „Чапан-Коурма“—крошат мясо, пережаривают, добавляют немного воды.

9) „Коурма“—пережаривают мелко изрезанное мясо и сало.

10) „Ишлеклы“ рубят жирное мясо, кладут его внутрь теста и запекают в золе (получается подобие пирога).

11) „Молочные продукты“—: чал (верблюжье молоко) после удоя сливается в кувшины, заквашивается и на следующий день готово к употреблению.

Чал употребляется скотоводами как лечебное средство при туберкулезе.

12) „Ала-чалы-яг“—баранье сало смешивается с арбузным (бекмес) или пчелиным медом.

Хлеб приготавливается из пшеничной муки без закваски, просто мука замешивается на воде, делается большая лепешка которая выпекается в золе (печи (гунча) встречаются редко).

Вот те блюда, которые приготавливают скотоводы, но они их не едят всегда. Обыкновенным, ежедневным кушаньем служит яг-шурпа и зеленый чай с лепешкой у большей части населения—бедняков.

Причина рахита, цынг, туберкулеза и желудочно-кишечных заболеваний (катарров) у скотоводов в песках—это не-

правильное питание. Пища их даже в богатых семьях, если и изобилует жирами, и содержит белки,—имеет мало углеводов и совсем не имеет витаминов. Замечено, что дети здесь развиваются и растут медленнее, и позднее начинают ходить, чем дети в остальных местностях.

* *

Посуда, как для приготовления пищи, так и для кушанья, очень примитивная:

1) чугунный котел, большая деревянная ложка и шумовка (капкыр),

2) деревянные чашки.

Содержится посуда крайне грязно. Моется очень редко и то холодной водой. Скатерти, в которых хранится хлеб и на которых кушают, совсем никогда не моются, так и остаются просаленными до тех пор, пока не изнаются.

Заблеваемость и способы лечения

Во всех районах население хорошо знает глазные заболевания и различает два вида их. Первое заболевание, которое они считают страшным заболеванием — трахома.

Лечат трахому следующими способами:

1) Жгут квасцы, получаемым порошком посыпают веки.

2) Трахомные зерна уничтожают сахаром. Берут кусок сахара, выворачивают веки и зерна куском сахара растирают до тех пор, пока веко не станет окровавленным. Говорят, что после этого уже легче лечить, только веки после почему-то не закрываются плотно. Того, что происходит процесс рубцевания, они не знают. После того, когда зерна уничтожены, берут кусок цинка, трут его о камень, заливают горячей водой и, когда вода отстоится, то ежедневно ею промывают глаза. Трахомные зерна уничтожают и купоросом. Берут просто кусок медного купороса и им вытирают глаза, а после этого разводят терьяк и употребляют как капли. Кроме того, при лечении трахомы готовят и употребляют мази: 1) растирают квасцы с салом и полученной мазью густо смазывают веки; 2) красный перец толкут, разводят женским молоком, кипятят, пока не станет густая масса, и ею тоже смазывают веки; 3) берут желчь самца-джейрана, сушат, толкут, смешивают с сахаром и посыпают веки; 4) посыпают веки молотым купоросом; 5) смазывают сурьмой. Из всех способов лечения самыми верными считают, когда трахомные зерна уничтожают сахаром и медным купоросом.

Лечение тянется в течение нескольких месяцев и даже лет. Результаты лечения получаются, конечно, плохие. Подвергающиеся такому лечению, имеют ослабленное зрение, а частью и совсем потерянное. На приеме больных один врач встретил ребенка пяти лет, который в результате такого лечения в течение года, совсем потерял зрение. У многих лечением обезображены веки глубокими рубцами.

Второе заболевание глаз, которое считается не опасным — конъюнктивит. Считается оно не опасным, потому что быстро проходит (зачастую даже без лечения) в течение 3-х недель.

Лечат это заболевание так: 1) прикладывают листья фасоли и клеверины; 2) промывают цинковой водой (что и при трахоме); 3) прикладывают выварки зеленого чая, в виде компрессов; 4) делают компрессы из теплой человеческой мочи; 5) прикладывают компрессы из разведенного терьяка. По их мнению, вышеуказанные средства хорошие. Заболевание проходит скоро и на зрении совсем не отражается.

Из желудочно-кишечных заболеваний знают хорошо кровавые поносы. Другие желудочно-кишечные заболевания, — катарры и язвенные процессы, называют сердечными. Лечение против всех указанных заболеваний применяют одно и то же:

1) разводят квасцы и пьют три раза в день;

2) пьют разведенный терьяк;

3) глотают терьяк небольшими шариками;

4) пьют баранье масло одну или две пиалы в день и стараются больше ничего не есть;

5) прикладывают на живот компрессы из яиц;

6) закручивают пупок пальцем;

7) едят корень растения уй-лей;

Лучшими средствами считают опий-терьяк и корень уй-лей.

Знают только туберкулез желез, который очень распространен среди скотоводов Чашкена (у всех почти детей поражение лимфатической железы на лицо). Существуют следующие способы лечения: 1) пьют баранье сало и масло по пиале в день; 2) из-под языка выпускают одну пиалу крови, берут семь стручков красного перца, растирают в порошок, смешивают с тремя пиалами бараньего молока и кипятят до тех пор, пока получится густая масса, эту массу пьют ежедневно с горячим молоком, приблизительно, по чайной ложке; 3) на опухшие железы прикладывают теплое мясо молодого щенка; 4) жарят и едят мясо дикообраза (оклы-керпи).

Лихорадку-малярию знают (заболевания ею незначительны и очень редки). Лечат: 1) хинином, покупают его у джирчей и в городе; 2) мулла перевязывает руку ниткой из верблюжьей шерсти и дает молитву.

Заболевания внутренних органов все называют сердечными. По лечению считают очень трудными. Говорят, что болеющие этими болезнями обыкновенно не вылечиваются, а умирают. Лечат внутренние болезни (будь то заболевание сердца, желудка, печени, почек, легких, селезенки) прижиганием. Берут кусок зеленой маты, отрезают от нее небольшой кусочек в виде ленты, скручивают, сжигают, а тлеющим остатком прижигают ту область, где локализована, по их мнению, болезнь. Весь же остаток маты идет в подарок лечащему „доктору“.

Ревматизм лечат смазыванием опухших суставов выпаренной сывороткой бараньего молока.

Теперь сифилис. Знают только третичный гуммозный период сифилиса.

Сифилис лечат: 1) курением трав сарсепиля и корошаз (растущих в песках), их сушат, толкут и курят с табаком через чилим; 2) берут голову ящерицы „vaganus“, ее варят, сушат, мелят и курят через чилим; 3) курят траву инджик; 4) курят ртуть с табаком; 5) курят с табаком сухой сыр (курт); 6) курят траву чирмашик с табаком (чирмашик — растение из группы паразитов).

Лучшими средствами из перечисленных считают сарсепиль и ртуть. Курение продолжают в течение 2—3 месяцев и после этого язвы все исчезают, но не совсем, а появляются вновь иногда через очень долгий период после лечения. Нагноительные процессы лечат: 1) прикладыванием мыла; 2) сала; 3) печеного лука; 4) при гнойных заболеваниях пальцев берут маленькую ящерицу, распарывают ее и теплой одевают на палец и завязывают. Нагноительные процессы тянутся очень долго.

Ожоги встречаются часто, особенно среди детей. Лечат их: 1) компрессами из человеческой мочи; 2) кипятят человеческую мочу с рисом, гребенчуковой корой и солью, полученной густой массой смазывают места ожога; 3) смазывают караягом (кара-яг густая жидкость, черного цвета, готовится из овечьего помета таким же образом, как из дерева смола); 4) смазывают кунжутным маслом; 5) присыпают порошком, приготовленным из прошлогоднего овечьего помета.

Простудные заболевания очень часты в зимнее время. Болеют, иногда, целые аулы. Таких больных стараются держать в тепле, прикладывают на шею компрессы из соленой воды и дают пить горячее сало, масло или молоко с красным перцем.

Из других заболеваний знают сибирскую язву. Лечат ее прижиганием язв раскаленным железом. Знают паршу, которая очень распространена среди скотоводов, лечат ее смазыванием

маслом и кара-ягом. Знают некоторые детские заболевания: оспу, корь, скарлатину.

Других заболеваний не знают, даже таких, как женские, которые очень распространены среди женщин, и их совершенно никак не лечат, ибо больная женщина, как бы ей ни было больно и тяжело, об этом никому и никогда не скажет. Заболевания же эти связаны с непосильным трудом женщины, даже во время беременности, особенно в зимнее время, когда женщина совершенно не гарантирована от простуды. В результате всего этого—заболевание половых органов и бесплодие.

О заразительности болезней и передаче их от человека к человеку не имеют представления, а если и имеют, то очень неясное и не полное. Укоренился взгляд, что болезни посылает только бог, наказывая того или иного, а следовательно, болезнь перейти от одного к другому не может. Если случится, что в одной и той же семье заболевает несколько человек, то бог и тут выручает,—это значит, что он решил наказать несколько человек.

Скотоводы почти совсем не пользуются медицинской помощью со стороны фельдшерских пунктов, больниц и амбулаторий, потому что их на месте в кочевьях нет, а ехать в город очень далеко. Бывают единичные случаи, что возят тяжело больных, нуждающихся в хирургической помощи и в город, но и то только мужчин, женщины же все время и при всяких обстоятельствах остаются без медицинской помощи, также и дети. Обращаться в город за медицинской помощью скотоводы не любят, особенно женщины, они гораздо охотней идут на пункт, который расположен в ауле, или когда к ним приезжает в аул врач. Причины этого—следующие: 1) далекое расстояние до города, 2) приходится ждать очереди, 3) принимают больных в большинстве случаев врачи и фельдшера—мужчины, а женщин показывать им скотоводы не хотят, да и сами женщины не только мужчине, но и женщине врачу, особенно с женскими болезнями, показываются неохотно, 4) обстановка больниц для них непривычна и чужда и 5) надеются, что бог поможет, а поэтому больных оставляют на месте, без всякой медпомощи или прибегают за таковой к местным знахарям: табибам и муллам. Специально „докторов“ (табибов) мало если и есть, то только в больших аулах. Обыкновенно лечат старики и старухи, пользуясь способами, переданными им „по наследству“ от дедов и отцов и приобретенными своим „жизненным опытом“. Главным же образом это занятие падает на долю старух, они повитухи, они и „доктора“.

Старухи собирают травы, готовят различные лекарства, а так как старух много, то круг их деятельности обыкновенно ограничен только своими родственниками. Больше всего они занимаются закручиванием пупка у детей. Дело обстоит так: если ребенок кричит, становится беспокойным, то причина, по их мнению, обязательно в пупке, а не в чем другом. Начинают пальцем крутить пупок и другой раз крутят до тех пор пока не образуется пупочная грыжа.

Больше пользуется авторитетом мулла. Религиозный фанатизм крепко сидит в скотоводах, страх перед таинственным божеством велик и безграничен. Вот от того то такая крепкая вера в муллу, в его помощь.

Ведь он ближе всех, по их мнению, стоит к богу, через него, через его молитву „дога“, можно просить бога о помиловании и выздоровлении.

Кто и как судит в песках.

В песках народных судов нет, имеющиеся же судебные и следственные участки в городах и районных центрах ни в какой мере не обслуживали и не обслуживают скотоводческого населения. Мало того, большинство скотоводов ничего не слышали о них и не имеют о судах никакого представления.

Не зная народного суда, скотоводы, конечно, никогда ни за чем в нарсуд не обращались и не обращаются.

Даже само слово суд для скотоводов близких аулов совершенно новое и непонятное и они часто смешили его (при беседах) с привычным им словом „сут“—молоко.

Казийских судов в кочевьях также нет, а поэтому все споры, все возникающие у скотоводов дела приобрели своеобразную форму разрешения, так называемую „туркменчилик“.

Все дела, все споры здесь, какую бы форму дела ни носили: уголовные, гражданские или просто мелкие споры, недоразумения (за исключением имущественных споров—„тереке“, которые решает только мулла, решаются на месте в ауле через яшули.

Яшули дает совет, яшули решает спорные дела по обычаям старины и на основе своего жизненного опыта. Скотоводы в советы яшули, как людей искушенных в жизни, умудренных жизненным опытом, много проживших и много видевших, верят, и не было случая (как говорят сами скотоводы), когда бы советы яшули не исполнялись.

Переходя к вопросу о том, как решаются дела—надо сказать, что такие преступления, как кражи, в большинстве случаев остаются безнаказанными. Виновные в кражах остаются не выясненными, потому что эти преступления никем не расследуются. И только случайность помогает или выяснить виновного, или его задержать на месте преступления и тогда дело переходит тут же на разрешение самосуда при участии яшули. В таких случаях дело решается быстро и просто: по совету яшули виновного, несознающего в совершенном преступлении связывают и бьют до тех пор, пока он не сознается (в избиении принимают участие все желающие), а когда виновный сознается, то по совету того же яшули ему предлагают возратить украденное или возместить стоимость его пострадавшему и, когда это бывает выполнено, виновного отпускают без дальнейшей ответственности и наказания. Подобные же решения выносятся и в тех случаях, когда преступник захватывается на месте преступления.

Самосуд и расплата применяются широко. Вот случай (низовья Теджена) за попытку изнасиловать, муж пострадавшей в наказание отрезал виновному уши и на этом дело было покончено. И даже тот, кто остался без ушей, считает это вполне нормальным и не считает нужным обратиться в суд. Скотовод, который произвел эту „операцию“ считает, что этот способ расправы его вполне удовлетворил, и для него непонятным остается то, что надо было обратиться в суд. Он говорит: — „Зачем мне ехать в город, тратить время, а потом еще ждать, пока разберут дело, когда я и сам могу его наказать“. Если сказать ему, что он сам совершил преступление, то это его чрезвычайно удивит, да он и не поверит этому.

Убийство, как говорят сами скотоводы, в кочевьях весьма редкое явление, т. к. оно сопряжено с целым рядом самых тяжелых последствий (кровная месть и др.)

Дела об убийствах решаются также на месте в ауле, чрезвычайно просто—через яшули и муллу, которые в таких случаях являются лицами примиряющими, вернее, виновный ищет примирения с родственниками убитого через яшули и муллу.

В случаях, когда достигается примирение, виновный не наказывается, когда же примирение не достигается, ни мулла, ни яшули (если бы даже захотели) не в силах помочь виновному и дело переходит на кровную месть.

В таких случаях родственники убитого ищут случая отомстить, убив самого виновника или кого-либо из его близких родственников, и при первом удобном случае месть выполняется, как должное, заслуженное—ценою крови покрывается преступление.

Кровная месть здесь существует как „правый обычай“ страны и не считается преступлением. Говорят так: „если он убил, то и его следует убить“.

Примирение убийцы с родственниками убитого обычно достигается только тогда, когда убийство признается нечаянным.

Все имущественные споры—„тереке“ разрешаются исключительно муллами по шариату и по мнению скотоводов эти дела, кроме муллы, никто не может и не в праве решать.

При разрешении имущественных тяжб широко применяется способ присяги. „Поклянись, что ты не брал и не должен и приложи палец к корану“, и если это исполнено, то присягнувший считается правым, если нет то виновным.

Женщина в кочевьи.

Тяжела жизнь женщины, жены скотовода в кочевьях. Много забот и работ лежит на ней. Рано с рассветом поднимается она и принимается за работу. Ей нужно сходить на колодец принести воды, накормить скот (который прикармливаются), намолоть муки, испечь чурек, вскипятить чай для мужа, накормить мужа и детей, убрать в кибитке. Справившись с утренней работой, поевши кое-как наскоро, она принимается опять за работу. Все кустарное производство, которое имеется в кочевьях—это дело рук женщины. Они бьют шерсть, делают кошмы, ткнут ковры, вяжут веревки, ткнут материю, вышивают головные уборы, шьют платье, в жут чулки.

Особенно тяжелым трудом является изготовление кошм (а этим занимаются почти все женщины). Мокрые, плохо одетые, грязные с засученными рукавами, по две—три в ряд на коленях, целыми часами не разгибаясь, они укатывают их.

Не менее тяжелым трудом является и помол пшеницы. Производится он на весьма примитивных несложной конструкции, ручных мельницах, которые женщины приводят в движение своими руками. Надо крутить целый день, чтобы намолоть 1—1½ пуда муки.

Не успела женщина покончить с некоторой работой,—глядишь, наступает время, когда надо опять кормить всю семью. Кроме того, нужно постирать, пошить и досмотреть за детьми.

Вечером—опять накормить всех, уложить спать и только когда будет все сделано—лечь самой.

И так изо дня в день. Это работа, которая повторяется сегодня, завтра, послезавтра и так всю жизнь и, кроме работы, женщина песков ничего не видит и ничего не знает. Да она ничего и не должна знать, по мнению мужчин, ее дело молчать и слепо подчиняться мужу, а если она молодая, то и старшим женщинам в семье, особенно старухам, которые в молодости испытали такую же жизнь и теперь стараются навестать и показать свою власть над молодыми.

Молодая женщина должна молчать и в знак постоянного напоминания об этом она носит платок на рту. И даже когда ест, то платком закрывается от мужа и старших женщин.

Нравы и обычаи жестоки. Если женщина осмелится что-нибудь сказать, вмешаться в какой-нибудь разговор или возразить—то это считается позором, и для того, чтобы ее исправить и научить, как надо держать себя,—ее наказывают.

Правда, старухи, старшие в роде, иногда пользуются большими правами; они даже руководят всей жизнью, не только семьи, но и целой родовой группы. И мужчины—отцы семейства—беспрекословно подчиняются им. Такие случаи очень редки, но все же нам удалось видеть в одном ауле Тедженского района, как руководит хозяйством и всей жизнью целой родовой группы—старуха.

Не только родовая группа „карагол“ знает ее, знают и соседние колодцы и в шутку называют ее—„ярым-падишах“.

А вот случай бесправности женщины. В ауле Кульджар (Чашкенского аулсовета, Мервского района) обратилась к нам женщина, она узнала, что „хокумайтен адам гельды“ (пред-

ставители власти приехали), и пришла к нам искать защиты. Со слезами на глазах она молила о защите. Сидевшие тут же председатель аулсовета и ее одноаульцы только улыбались и пытались нам доказать, что эта женщина—терьякеш и чуть ли не сумасшедшая. Только вдали от кибитки, за высоким барханом песка, женщина-врач, выслушав ее, узнала правду, узнала горе, все то, что она переживает в этом ауле. Мужчины всячески пытались помешать беседе, все время подсылали своих людей подслушать, о чем говорит женщина?

Эта женщина, со слезами на глазах, с заглушенными рыданиями, рассказала очень печальную историю.—Она афганка, взята калтаманам в плен 20 лет тому назад и продана в аул Кульджар—Дурды Мураду. Вначале жилось трудно, муж бедный, а ее все ненавидели и презирали, как чужеземку, как рабу, но когда родился первый ребенок, ей стало лучше. Родственники и соседи отнеслись, как к своей туркменке, забыли, что она пленница. Работали с мужем много и, наконец, кое-как сколотили свое хозяйство, хотя и маленькое, но свое. Жизнь, как будто, наладилась, но здесь новая беда свалилась на ее плечи: муж заболел и умер, и она осталась одна с двумя детьми—девочкой 16 лет и мальчиком 13 лет.

Как только умер муж, так сейчас же все прежние несчастья и преследования на нее обрушились вновь с еще большей силой. Хозяйство, состоявшее в то время из 200 баранов, первым долгом родственниками (в ауле имеются 2 брата мужа) при помощи муллы, по обычаю старины, по праву шариата было разделено, и ей, не мало вложившей сил и здоровья в это хозяйство за 20 лет, оставили только на сына 20 баранов.

Дальше, все больше и больше родственники строят против нее разные козни. На дележе хозяйства, под прикрытием шариата, они не успокоились и через некоторое время похитили ее дочь и продали.

Мать в отчаянии. Мать ищет свою дочь. Она вместо ответа слышит насмешки, издевательства. Она не может получить ответа, куда девали ее дочь. Мало того, ее били за эти вопросы, били не только родственники, но и все, кому не лень, и даже грозили убить. Наконец, измучившись, в отчаянии, мать решает идти в город почти за 200 верст пешком по сыпучим пескам, чтобы искать защиты, искать правды, но родственники ей не дают идти в город и грозят, что они убьют ее, если она не оставит этого дела, не смирится с создавшимся положением и не перестанет искать свою дочь.

Но как ни страшны угрозы, чувство матери победило и она дочь свою все же нашла. Украдкой пробралась в город, а там разыскала женотдел и дело попало прокурору.

Дочь оказалась не в лучшем положении, чем мать, ее так же били и, когда вызывали ее в город и спрашивали, то измученная побоями, она говорила то, чему ее научили. Ее заставили говорить, что она добровольно ушла и вышла замуж.

Все попытки несчастной вдовы вернуть дочь не увенчались успехом.

Родственники и одноаульцы, окрыленные своим успехом, стали продолжать свое дело. Братья мужа сняли кошмы с кибитки, забрали все, что было у нее из имущества. Когда же беззащитная пытается возражать, или собирается пожаловаться в город, то ей угрожают смертью.

Вот случай, который ярко рисует бесправие женщины. А ведь таких случаев много в отдельных уголках Туркменистана, в аулах не только песков, но и земледельческой полосы. Здесь женщина раба и беззащитна. Здесь для женотделов непочатый край работы, работы трудной, требующей долгого и упорного труда.

* * *

Тяжелая работа и деторождение—вот удел женщины туркменки. Деторождение стоит на первом месте, каждая женщина должна родить без конца, чем больше она родит, тем боль-

ше ее любят и уважают. Горе бесплодным женщинам, их презируют, совершенно не считаясь с тем, почему она стала бесплодной.

Все женщины, которые обращались с женскими заболеваниями к врачу нашего отряда (женщина-врач), не говорили о болезнях, о тех муках, которые причиняет им болезнь, они только жаловались на бесплодие, ибо это для них тяжелее всяких физических болей.

Несмотря на то, что деторождение стоит на первом месте, женщина-мать совсем не оберегается, весь период беременности (а у них он протекает тяжело) она делает всю прежнюю работу до последнего дня т. е. момента родов.

Роды протекают в ужасной обстановке. Грязь и невежество окружает ее в это время, ее не кладут на постель, а сажают на песок, босой, полураздетой, будь то зима или лето. Окружают ее в это время грязные бабки повитухи, часто применяя варварские способы, как вытряхивание и подвешивание роженицы. При трудных родах повитухи лезут грязными руками и стараются тащить ребенка. Вот тут то женщина и становится не только бесплодной, но и инвалидом.

Лечь после родов женщине долго нельзя, она должна встать на 2-3 день и вновь приняться за работу. Как мать, так и ребенок подвергаются целому ряду манипуляций, связанных с легендарными преданиями старины.

(Окончание в следующем номере журнала).

Той (свадьба)

Из жизни туркмен юмудов побережья Каспийского моря.

Баглан Мурадов

В середине старой, почти отжившей свой век кибитки, на разостланных кошмах и паласах, сложив нога на ногу, сидел Дурды Мамед со своей женой Анна Гуль.

Анна-Гуль сидела в полосатой чаршау (шелковое или полупелюшечное верхнее головное женское покрывало персидской работы) за самоваром, вытирая вымытые кассе (чайная круглая чашечка) и готовясь наливать чай, а Дурды-Мамед жадно глотал куски жареной рыбы, лежавшей перед ним на тарелке. Видно было, что крепко он устал и проголодался на рыбной ловле.

Анна-Гуль что-то бормотала, но Дурды-Мамеду было не до того; он с таким-же наслаждением поглощал рыбу, с каким мушкетером поймал ее. Когда он догрыз последнюю косточку, жена, поправив свой алын-данкы (головная повязка), спросила: „налить тебе чаю?“ Муж, произнося молитву после еды и оттолкнув в сторону жены тарелку с остатками еды, обратился к жене: „Наливай! Дай мне руки вымать!“ Налив ему на руки воды из кундики (маленький чугунный рукомойник) и подав полотенце, Анна-Гуль дала ему налитую кассе.

—Детей—что-то не видать!—сказал Дурды-Мамед.

—Не знаю. Наверное. играют где-нибудь. Что, нужны они тебе?

—Нет. Пужны—то не нужны, но что-то я сегодня не вижу их. Они даже сегодня не встречали меня,—ответил Дурды Мамед, глядя свою, чуть поседевшую длинную бороду.

—Наверное, так заигрались, что даже забыли, когда ты приходишь, а то каждый раз, уходя, говорят, что идут встречать отца. Сын даже залезает куда-нибудь повыше посмотреть: не видать ли паруса в море. Если увидит, приходит и говорит, что скоро пойдет встречать отца, хоть лодка бывает и не наша,—с улыбкой говорила Анна-Гуль.

* * *

В вопросе брачного возраста царит полная беспорядочность и хаотичность. Выдают замуж 12-13-летних девочек за стариков и наоборот женят мальчиков 14-15 лет на взрослых 20-22 летних женщинах. Такое положение создает скверную основу для будущего поколения.

Еще ребенком, которому хочется играть, она должна быть женой, хозяйкой, матерью.

Калым в кочевье процветает, женщины в некоторых местах расцениваются до 80-100 верблюдов. Многоженство также существует, но обыкновенно у скотоводов только 2 жены, свыше 3-х бывает редко.

* * *

Мрак и невежество царят в аулах песков, они охватили и крепко держат в своих объятиях заброшенных, всеми забытых жителей аулов; там нет культурных людей, там школы, врачебные пункты только начинают организовываться, но еще нет твердой основы для того, чтобы вытеснить мрак и невежество, царящие там.

Да там еще нет никого, кто бы осмелился начать эту борьбу и довести до победного конца. Там жизнь течет по-прежнему, по старому.

Слышала-ли ты новость о своем сыне?—спросил Дурды-Мамед, передавая ей пустую чашку.

—Нет. Что за новость?—с удивлением спросила Анна-Гуль, оставляя недопитую кассе.

—Сегодня прибыла лодка Ашур-Али; команда говорит, что лодку их начали разгружать,—готовься встречать.

—Хорошо, если бы к его приезду погода не испортилась,—вздыхая говорила Анна-Гуль, про себя, обещая дать бедным пару коке (лепешка), если все будет благополучно.

—Не бойся, эта погода еще неделю продержится, а к этому времени Эсен Гельды приедет.

—Дай бог, чтобы так было, а то измучается, бедный среди глубокого моря на маленькой лодке,—сказала Анна-Гуль и невольно устремила взгляд на видневшееся через дверь море.

А на улице улыбалось солнце наступающего лета; полуденные лучи обливали обернутые в камыш кибитки; море тихо колыбалось, подталкивая маленькие, отдыхающие на берегу таймулы (долбленная лодка на 2 человек), но не в силах было тронуть стоявшие подалее от берега большие лодки с длинными мачтами; чайки с криком летали над морем, иногда стремительно бросаясь вниз и поднимаясь с рыбкой в клюве.

Иногда вид на море закрывали на секунду прохожие. Были и мужчины, то в белых—летних, то в черных—зимних телпиках (мужская шапка); кто в длинных полосатых халатах с кушаком или без кушака, кто в кеушах (туфли) на босу ногу, кто босиком; были и в европейских костюмах и просто в накиннутых на плечи дои (халат) и в одних кофеек балак (нижнее белье).

Женщины и в простых, и в шелковых чаргатах (шелковое или шерстяное женское покрывало) и чаршау, в красных рубашках и тоже в кеушах на босу ногу и босиком. Ребятишки в од-

Из жизни кочевий Мервского округа

Г. Костин*)

Жизнь пастуха

Чобан, чолук и сучи, это три нарицательных имени, тесно связанных между собой. Чобан, это пастух, чолук—подпасок, сучи—лицо, выкачивающее воду из колодца для водопоя скота. Имена эти родились в песках, в песках живут и ими называют только тех, жизнь которых тесно связана с жизнью стада, его пастбищами и колодцами.

Каждое стадо в 1000 штук овец всегда обслуживается 3—4 людьми, из которых один непременно является представителем хозяйства (обычно сын хозяина), работа которого ограничивается надзором за действиями чобана, чолука, сучи—лиц наемных, на которых и падает вся тяжесть работы по стаду.

Чобан, чолук и сучи—это не почетное звание и даже не звание, дающее полное право на жизнь, как равноправные члены „общества Кара-Кумов“, а бесправный, бездомный, в большинстве случаев, батрак, продающий свой труд.

Чобан, чолук и сучи в большинстве—батраки, пришедшие в пески подчас за сотни верст для того, чтобы заработать что-нибудь. Если некоторые из них и имеют где нибудь свою семью, свою кибитку, клочек земли, т. е. свое хозяйство, то в таком виде, что оно не оправдывает нужд его, и для того, чтобы иметь возможность жить, они идут в пески на долгие годы и здесь продают свой труд.

Обычный срок найма чобана, чолука установился исстари—в 6 месяцев и только в некоторых местах, как исключение, существует годовой. Если нанятый, по мнению хозяина, окажется добросовестным, исправным, послушным, исполнительным, то по окончании срока найма ему предоставляется преимущественное право перед другими наниматься на новый срок на тех же приблизительно условиях, на которых он работал.

Заработная плата с наемным обуславливается обычно и выплачивается натурой. За 6 месяцев наемный получает от 5 до 20 овец однополок. Причем зарплата не везде одинакова, местами она меньше, местами больше. Это зависит от наличия предлагающих свой труд к найму, а кроме того и от умения и опыта самого нанимающегося (стажа работы, если так можно выразиться).

Кроме обусловленной заработной платы, чобан, чолук и сучи получают готовую пищу от нанимателя, одежду и обувь. В число прозодежды, так сказать, входят: одна пара белья, один халат из маты, одна пара „чокай“ и подметки к ним, одна шапка (папах) и зимой одна бурка из кошмы—вот и все. Срок носки равняется сроку найма. При чем, если нанимаемый увольняется ранее срока по собственному желанию или

*) Продолжение. См. „Туркменоведение“ № 4 за 1927 год.

увольняет его сам хозяин (различия нет), выданная одежда и обувь отбирается или стоимость их, при расчете за недослуженное (по чьей бы то ни было вине) до обусловленного срока время, удерживается из заработной платы.

Незатейливо и жилье батрака: кое-как построенный шалаш из хвороста и 1—2 кошмы, закрывающие песок и в то же время заменяющие постель. Это убежище должно летом спасать от знойно полящих лучей, солнца, ветра и зимой от холода.

Тяжела и безотраднa жизнь чобана, чолука и сучи. Всегда одни вдали от аулов, среди моря песков, всегда одни со стадом в „обществе“ верных его хранителей, огромных псов.

Редко приходится им бывать в населенных пунктах, очень редко иметь общение с людьми. Разве изредка в степи встретится им проезжий или изредка сам хозяин придет навестить свое стадо, узнать его состояние, собрать шерсть и провести удой скота. Живя в такой обстановке, батраки никогда ничего не слышат, ничего не знают и слепо исполняют волю и прихоти своего властелина—хозяина.

Батрак здесь бесправен, он не может прекословить хозяину ни в чем. Слово хозяина для него закон. Если когда нибудь и возникает недовольство в глубине души униженного, оскорбленного батрака на действия хозяина, то и в таких случаях он не осмеливается открыто и смело защищать свои права из-за боязни потерять работу, свой заработок.

Сам батрак не защищает своих прав, защищать же их со стороны здесь на месте некому. Батрачкомов здесь в песках нет, да и о существовании такой организации батрак песков ничего не слышал и не знает, а если знает, то очень мало. Работа батрачкомов слаба и не коснулась она еще многих отдаленных от культурной—земледельческой полосы—уголков песчаной пустыни.

Правда, батраки сравнительно недалеких от городов колодцев, слышали, что есть такая организация, которая защищает права обездоленных батраков, но сами они этого удовольствия еще не испытали, выгоды и пользы для себя от этой организации они не видели и не знают.

Здесь на этих колодцах союзом Рабземлеса частично даже был проведен учет батраков и частично заключены договоры на них с нанимателями, но, заключив договор, представитель союза уехал в город, а батрак, оставшись в песках, не знает и не видит пользы от этого договора, т. к. на месте нет никакой организации, которая могла бы следить за исполнением заключенного договора. Батрак остался по прежнему батраком, а хозяин—хозяином. Хозяин знает, что в его власти исполнить и не исполнить заключенный договор, потому что до города и имеющейся там организации—батрачкома далеко (от 100 и до 300 вер.) и его батрак жаловаться туда не пойдет, а к ним в пески очень редко кто приезжает.

Нам приходилось слышать от пастухов и такие рассуждения, что может быть батрачком и хорошая организация, но пока никакой пользы мы от него не видим, берут с нас какие то деньги, а за что и на что не знаем.

Бывают и такие случаи, когда хозяин удерживает с батрака, уплаченные им за последнего страховые взносы при заключении договора. В этих случаях хозяин просто говорит пастуху, что вот мол батрачком удержал за тебя 10 рублей (ведь не даром же он о тебе беспокоится) и ты обязан мне их возвратить, и удерживает из причитающейся зарплаты. Чобан не знает, так ли это или не так. До города и батрачкома

далеко, больше 150 верст, ехать узнавать правду в батрачком нет возможности: во-первых потому, что ехать не на чем, а во-вторых, нужно время 8—10 дней, а потом и сам чобан еще не уверен, есть-ли на что жаловаться, может быть и на самом деле хозяин прав.

Хозяин же знает, что никто не проверит его, а если и придет кто, то во всяком случае не скоро, да и едва-ли кто на него пожалуется, знает, что чобан не пойдет за 150 верст пешком искать правды, даже если бы и узнал, что хозяин обманул его, а на месте ее искать не у кого, а поэтому и делает все так, как ему заблагорассудится.

Такие явления не одиночны. Они носят чуть-ли не массовый характер и создают весьма нехорошее представление у батраков о работе организации, призванной защищать их права.

Народное образование.

С вопросом народного образования среди кочевого скотоводческого населения дело обстоит весьма плохо.

В северной части округа школы имеются только в аулах культурно-земледельческой полосы (и то далеко не во всех), где скотоводы ведут смешанное хозяйство.

Скотоводы о советской школе ничего не знают и, пользуясь различными нелепыми слухами, дошедшими до них, не только безразлично или недоброжелательно относятся к ней, но местами и просто враждебно. Когда приходилось беседовать о школах, то многие предпочитали или молчать или просто отговариваться, лишь бы отвязаться. Попытка со стороны комиссии, хотя бы приблизительно узнать количество детей школьного возраста в каждом ауле, не имела успеха, потому что скотоводы в этом усматривали что-то невыгодное и неприятное для себя и на вопросы отвечали неохотно и определенно неверно, (сильно преуменьшая количество детей школьного возраста).

На вопросы, нужна ли аулу школа, приходилось слышать очень много весьма разнообразных ответов. Так, из обследованных здесь 46 аулов 34 отказались совершенно от школы. В них население открыто заявило, что советской школы им не надо. Что детей учиться в советскую школу добровольно они не отдадут, что детей дадут учить только по приказу власти в принудительном порядке и т. д. и т. п.

5 аулов, боясь, очевидно, открыто заявить о том, что не хотят советской школы, просто старались отговориться, выдвигая разные причины, заявляя, что детей учить не могут потому, что они заняты постоянно работой по хозяйству, что свободных мальчиков, которых можно было бы послать в школу, нет (если, мол, будут свободные мальчики, то пошлем).

Говорили также и том, что, мол, „при всем нашем желании, учить детей не можем, потому что у каждого ограниченное число сыновей, которые заняты работой в хозяйстве. Школа нужна, но открывайте ее в другом ауле“, или ссылались на другие аулы, говоря: „если будут учить другие аулы, то и мы будем“ и т. д. и т. п.

И, наконец, 7 аулов—это те, которые ясно и определенно заявили, что школа им нужна, что детей своих учить они хотят и будут.

Старометодные школы есть во многих аулах, но их скрывают скотоводы, о них ничего не говорят и только случайно удалось выявить их в некоторых аулах. Когда приехала комиссия в аул Кульджар, шли занятия в старометодной школе (расположенной недалеко от места остановки комиссии). Мулла, узнав о приезде какой-то комиссии, распустил детей и не производил занятий 2 дня, пока комиссия не уехала из аула.

Старометодные школы пользуются здесь большим уважением со стороны скотоводов и, как видно, многие из них охотно отдают детей на учебу. Во многих аулах говорили, что если бы была старометодная школа, то детей учить они стали бы. При чем надо отметить, что в старометодных школах в 2-х обучается 5 девочек. В остальных аулах вопрос обучаются ли девочки—вызвал недовольство и выкрики: „Ай“!

Грамотность населения этой части округа характеризуется следующими цифровыми данными: из 46 аулов 23 не имеют совершенно грамотных, а остальные 23 имеют грамотных только 43 человека, что к общему числу населения 8140 ч. составляет едва $\frac{1}{2}\%$.

В южной части округа, где скотоводы живут в земледельческих аулах, картина, в отношении образования, несколько меняется. Здесь, в противоположность северной части округа, мы имеем почти во всех обследованных аулах (земледельческих), советские школы, которые обслуживают и скотоводов. Только скотоводы аула Перрен, имея старометодную школу, заявили, что им советскую школу не надо, т. к. близко город (Мерв—18 верст) и желающие могут своих детей обучать там.

Таково было положение к 1-му января 1927 года и к данному времени оно несколько не изменилось, если не считать того, что в Мервском и Тедженском районах в этом году открыто по одной школе-китке в аулах, где находятся уполномоченные скотоводческого комитета. В остальном все осталось попрежнему без изменений.

Колодцы, пастбища и кормовой вопрос.

Колодезное строительство в животноводческом хозяйстве играет громадную роль. Вода здесь в песках является не менее драгоценной, чем пастбища, ибо только в зависимости от наличия колодцев и воды в них может ставиться вопрос о полном использовании лучших пастбищ в кочевьях.

К этому, обычно, и приспособляется каждый скотовод-кочевник; избрав место для пастбищ, приступает к рытью колодца; когда последний готов, перегоняет свои стада на это новое место.

Переходя к характеристике колодцев, надо сказать, что колодцы Мервского района всегда состоят из двух частей, т. е. собственно колодца, шириной до 2-х аршин в диаметре и глубиной до 30—40 аршин, оплетенного внутри хворостом, и бассейна, изготовленного из хвороста, обмазанного глиной, который, через посредство железной или деревянной трубы, соединяется с водопойным корытом.

Удобство такого бассейна заключается в том, что вода в него из колодца наливается задолго до прихода стада, а во время прихода его, ранее закрытая труба, открывается и вода непрерывной струей льется в корыто, откуда уже и пьют животные. При таком порядке водопоя стаду не приходится толпиться у колодца в ожидании каждого нового ведра воды, а поэтому и самый водопой стада проходит в один час вместо трех часов—при колодцах без бассейна. Под одним названием скрывается, обычно, от 2-х, 3-х до 10 отдельных колодцев, владельцами которых являются в большинстве случаев 3-5 семей, объединенных между собой родственными узами.

Стоимость каждого отдельного колодца здесь определяется от 100 до 600 рублей, срок службы их от 10 до 15 лет.

Колодцы же Тедженского района в большинстве представляют из себя яму шириной в 2 раза меньшую и глубиной от 3 до 20 аршин (чирла). Бассейнов здесь колодцы не имеют, почему процесс водопоя стада тянется до 3-х часов. Приход воды колодцев очень незначительный:

не более 500 ведер, почему под одним названием группируется до 30 отдельных колодцев, владельцами которых являются в большинстве случаев отдельные лица. Срок службы колодцев определяется от 3-х до 5 лет, а стоимость от 60 до 200 рублей.

Колодцы южной части округа несколько отличаются от колодцев предыдущих районов. Здесь глубина колодцев достигает от 15 до 75—80 саженей. Колодцы все выложены кирпичем, саксаулом или деревом. Стоимость колодцев, глубиной в 80 саженей, выложенных кирпичем, определяется до 4.000—4.500 руб., а 15 саж. глубиной—до 1000 р. Колодцы, выложенные саксаулом и деревом обходятся несколько дешевле: 60 саж. глубиной—до 1200 р., а 15 саж.—до 350 р. Срок службы таких колодцев весьма продолжительный—в несколько десятков лет.

Надо отметить, что здесь колодцы, как и в Мервском районе, состоят из 2-х частей—самого колодца и водоналивного бассейна. На некоторых колодцах бассейны сделаны из цемента.

Все колодцы южной части округа принадлежат отдельным лицам-хозяевам, их вырывшим, местами одному лицу принадлежит до 17 и больше колодцев (Анна Гельды-бай).

Скотоводы обследованных 46 аулов северной части округа имеют при аулах 284 колодца, из которых: исправных—269, неисправных—15, с пресной водой—171, с горькой и соленой—98.

Здесь надо отметить, что в количество колодцев с пресной водой (171) входят и колодцы с пресной, но затхлой водой, которых насчитывается не менее 40-50% общего количества.

Вне своих стоянок скотоводы также имеют колодцы (в других местах), таких колодцев насчитывается 94, из них: исправных—93, неисправных—1, с пресной водой—24, с горькой и соленой—69.

Эти колодцы от места стоянок скотоводов находятся на расстоянии от 3 и до 200 верст.

Кроме того, у скотоводов северной части округа, кроме колодцев, есть еще другой вид водопойных сооружений, это дождевые ямы (как).

Обследованные аулы имеют 18 дождевых ям в разных местах на расстоянии от 3 до 35 верст от места стоянок скотоводов. Дождевые ямы действуют не круглый год, а, примерно, с осени (когда начинаются дожди) и до середины лета, дальше они свое существование прекращают, т. к. вода, скопившаяся в них от дождей, кончается.

Еще есть вид водоемов, к которым относятся так называемые дождевые лужи (скопление воды на такырах). Этот вид водоемов скотоводами используется ранней весной. Так как дождевых луж в дождливое время образуется весьма много, то они не имеют никаких названий. Дождевые ямы принадлежат отдельным хозяевам, их вырывшим. Прав собственности отдельных лиц на дождевые лужи не существует и ими пользуются те, кто их обнаружил.

Теперь—южная часть округа. Здесь колодцев при аулах нет, они все находятся на пастбищах в песках на расстоянии от 15 до 200 верст от аула.

Здесь скотоводы 8 аулов имеют 306 колодцев, из которых: исправных—261, неисправных—55.

Вода в этих колодцах в большинстве случаев горько-соленая и весьма незначительное количество их попадает с пресной водой.

Порядок пользования колодцами, как и отмечено выше, в Мервском районе семейно-родовой, когда колодцы принадлежат отдельным группам хозяйств от 2-3 до 6-8 семейств, объединяемых по родственной линии, которые и пользуются водой принадлежащих им колодцев.

В Тедженском районе и южной части округа — колодцы принадлежат большей частью отдельным лицам и водой из колодцев пользуются только они.

Право владения колодцами как групп, так и отдельных лиц определяется правом собственности лиц, их вырывших.

Надо отметить, что хотя и существует право собственности на колодцы, все же излишками воды, по разрешению владельца, временно, а иногда и постоянно, пользуются скотоводы, не имеющие своих колодцев. Пользование колодцем обычно, бесплатное, но в таких случаях они принимают участие в чистке, а при надобности и в ремонте колодца.

П а с т б и щ а.

Рассматривая места выбранные под пастбища или вообще под кочевье, зачастую приходится наблюдать, что они представляют из себя равнину, покрытую песчаными наносными грядками в большинстве случаев полуукрепленного характера с растительностью не только мелкой, охотно поедаемой животными, но обязательно и с грубой высокой; или эти места наоборот представляют из себя равнину, покрытую зарослями гребенчука или саксаула с мелкой травой степного характера.

Как первый, так и второй вид пастбищ имеет свои преимущества и недостатки. К недостаткам голых барханных пастбищ относится недостаток топлива, за которым приходится скотоводу или ездить на верблюдах в саксаульные или другие заросли, или отапливаться с нуждой бурьяном и пометом животных. Но зато присутствие, помимо мелкой травы, крупной, чисто зимней (селинг), раннее появление обильной и вкусной растительности весной и отсутствие мух и оводов летом — делают эти пастбища незаменимыми. Селинг — трава, хотя и редкая, но зато растет большими кустами, которого иногда вполне хватает на целый день одной овце, при чем, благодаря своей грубости, упругости и большой высоты, доходящей иногда до одного аршина, она никогда не заносится снегом.

Места же, покрытые зарослями саксаула или гребенчука, имеют те недостатки, что дают приют в летнее время большому количеству мух и оводов, и, следовательно, располагают большим количеством болезней, зато наличие топлива, обилие вкусной мелкой травы и защита летом животных от жары, а зимой — от холода, делают эти пастбища не менее ценными.

Право пользования пастбищами определяется путем захвата. Ссор и другого рода недоразумений на этой почве, за редким исключением, никогда не бывает, хотя бы потому, что так еще истари повелось.

От колодцев скот угоняется летом не более как на 12-15 верст, дальше угнать нельзя, т. к. летом овцы поятя ежедневно, поэтому и приходится рассчитывать на то, чтобы стадо к моменту водопоя успело обычным пастбищным шагом вернуться обратно. Другое дело осенью, когда овцы поятя через день, отгоняются до 30 верст, а зимой, когда овцы едят почти всегда мокрую траву, их не поят по неделям, имеют возможность угонять, если это нужно, и до 75 верст.

Иногда стада отгоняются, если не у всех, то у многих, за сотни верст от места расположения кочевий на целую зиму.

Указанные отгонные стада организуются обычно в годы, малоурожайные, преимущественно зажиточными скотоводами, которые не все стада отгоняют, а только часть, но не менее 500 штук, преимущественно молодняка, который под присмотром пастуха и его двух помощников,

снабженных двумя ишаками, двумя верблюдами, тремя-четырьмя собаками и всеми необходимыми продуктами, направляются к хивинской границе в местность Кыр, граничащую, по словам населения, на юго-востоке с колодцем Дань Аджи, на северо-западе с Ташаузским округом, а остальные стороны теряются где-то в Полторацком и Чарджуйском округах.

Население говорит, что названная местность тянется в ширину, приблизительно на 120 верст и представляет из себя обширную возвышенность с каменной почвой и богатой, степного характера, растительностью. От всех населенных пунктов Кыр очень удален, имеет мало воды, благодаря чему стада, несмотря на хорошие пастбища, бьют только зимой и при том в годы только засушливые. Растительность по целым годам никем не трогается, и если даже Кыр поразится засухой, то и тогда, оставшаяся от последнего урожайного года растительность настолько богата, что способна прокормить в течении целого года громадные стада.

В настоящее время Кыр опустел, стада туда не отгоняются из за боязни калтаманов.

Цель отгонных стад—молодняка заключается главным образом в том, чтобы использовать те пастбища, на которых никого не было летом, (по причине малого количества воды) и тем самым дать возможность лучше развиваться в первый год своего существования молодым животным, а также обеспечить, благодаря уходу большого количества животных в другие места, лучшими пастбищами стадо, оставшееся на кочевье, состоящее, главным образом, из маточного материала и животных для стола и продажи.

Последовательности использования пастбищ, за отсутствием крупного рогатого скота и лошадей, при наличии овец и верблюдов, быть не может, так как овца ест мелкую, более нежную траву, в то время как верблюд предпочитает грубую бурьянистую. Кроме того, известной последовательности не может быть еще и по тому, что пасутся только овцы в определенном месте, в определенном порядке и под надзором пастуха. Верблюды же пасутся, как им вздумается и где захочется и на пастбищах под надзором пастуха не находятся и вообще такового для верблюдов никто нигде и никогда не нанимает, так как не только стадо в целом, но и отбившийся от стада верблюд никогда не пропадет, если не будет похищен или зарезан волками, а придет обязательно домой. Объясняется это тем, что еще исстари был установлен обычай никогда не давать чужому приблудившемуся верблюду воды, как бы ему пить ни хотелось. Ясно, что не получив нигде воды, он, мучимый жаждой, вынужден отправиться к себе домой.

Кормовой вопрос

Кочуя из века в век по песчаным необозримым пространствам, скотовод давно изучил все особенности своей родины, применился к ее капризам, и если нет каких-либо явлений, которые бы были мало ему знакомы, т. е. мало им изучены, то, обычно, хоть и с трудом, но выходит до некоторой степени победителем из тех положений, в которые его ставит природа.

Если взять последние сто лет, то, по словам населения, главным образом местных сторожил, засушливых годов было около двадцати, из которых очень опасных в Мервском округе было четыре года, назвать их скотоводы затрудняются. Из них ни один, за исключением 1917 года и до некоторой степени 1925 г., серьезно не коснулся скотоводческих хозяйств.

Весна, говорят скотоводы, определяет лето и, если оно определяется засушливым, то весть об этом также как и о благополучных по засухе районах, быстро разносится по всей степи и далеко за пределы своего округа; и все скотоводы, еще до наступления зимы не дожидаясь поедания всей бедной растительности на обычных своих местах, начинают готовиться к перегону своих стад в районы, которых не коснулась засуха, но преимущественно в местность Кыр (выше уже описан).

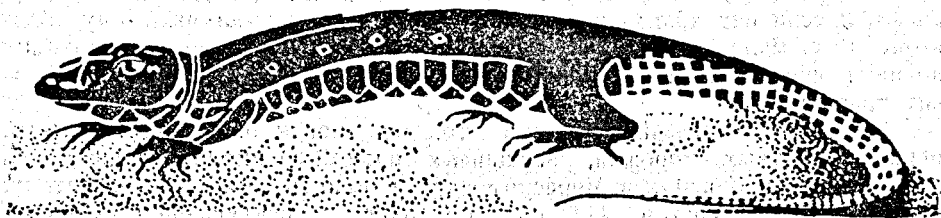
Из всего описанного вовсе не следует думать, что засуха здесь не опасна, она опасна, и иногда десятки и сотни хозяйств разоряются совершенно. И несмотря на это, все же заготовка фуража собственными средствами у скотовода распространяется только на ентак (верблюжья колючка), селинг, саман и зерно. Причем колючка заготавливается главным образом для рабочих и отставших верблюдов, селинг для всех видов животных, но главным образом для ослов и лошадей, а саман и зерно не только для лошади, которая имеется почти в каждом хозяйстве, но и для отставших овец.

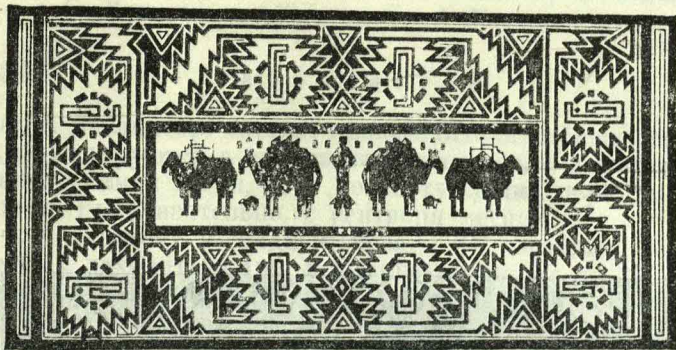
Сказать, как много заготавливается вообще фуража, не представляется возможным, т. к. какого-нибудь здесь расчета не придерживаются и заготавливают, кто сколько может, в зависимости от урожая на колючку и селинг, от рабочих рук, имеющихся в хозяйстве, от величины самого хозяйства и, наконец, от цены на саман и зерно. Для овец фураж заготавливается всегда приблизительно по следующему расчету: в обыкновенный год из 1000 штук овец, по мнению скотоводов, за зиму ослабевают приблизительно от 30 до 50 штук, на которых и заготавливается, из расчета 1 фунт ячменя и 2 фунтов самана в сутки на голову, на срок подкормки в 30—40 дней.

В южной части округа все скотоводы живут в культурной полосе, занимаясь попутно с скотоводством еще земледелием, и от кочевого образа жизни давно отстали. Стада выпасываются или в горах, или в песчаных, очень богатых пастбищах, отстоящих от места жительства скотоводов на 100—200 верст. Во многих местах эти пастбища годны под массовую заготовку сена с травой степного характера. К недостаткам этих пастбищ относятся большие степные пожары. Еще лучшие пастбища имеются далеко в горах, но никогда почти не используются, ибо стада дальше 15-ти верст в горы не выгоняются из-за боязни калтаманов. Право пользования пастбищами также определяется путем захвата.

В отношении заготовки фуража также мер никаких не принимается.

(Окончание следует).

Человек и природа Туркмении.

ЖИЗНЬ КОЧЕВИЙ МЕРВСКОГО ОКРУГА

Г. КОСТИН.

Стада кочевников. *)

Говоря о стадах кочевников, совершенно не приходится касаться крупного рогатого скота, т. к., из-за отсутствия подходящего корма, таковой здесь никогда не разводился и не разводится.

Скотоводство в Мервском округе охватывает, в одинаковой мере и преимущественно, два вида животных — овец и верблюдов.

Овцы, каждое стадо которых доходит до тысячи голов, в северной части округа все курдючные, но не особенно крупные. В некоторых стадах наблюдается присутствие каракулевых овец, преимущественно первой и второй генерации.

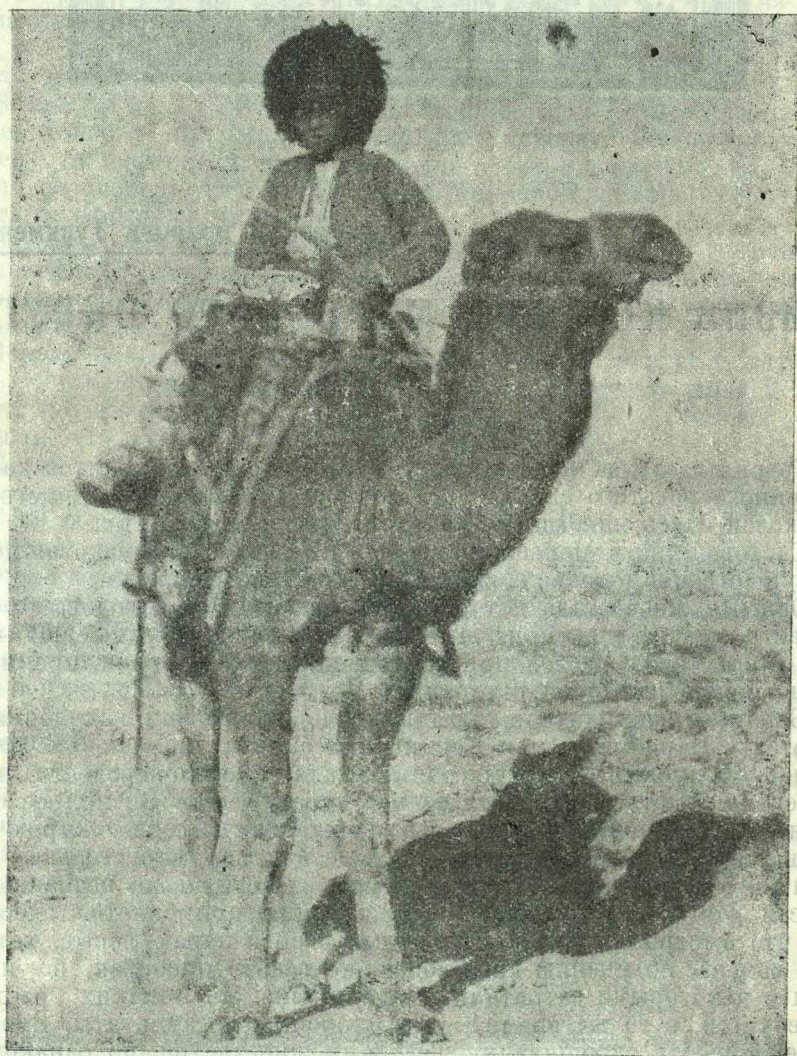
Бараны-производители (чистокровные), по словам населения, покупаются в Чарджуйском и Керкинском округах по цене до 70 руб. за голову и пускаются в курдючные стада с целью перевести, путем скрещивания, часть курдючных овец в каракулевые. Последнее объясняется тем, что каракулевые овцы значительно выгоднее курдючных, и если таковые не разводились здесь до сих пор, то только из-за привычки к курдючным овцам, а также, отчасти, и по незнанию выгоды этого дела. Способ скрещивания применяется здесь потому, что быстрый перевод курдючных овец в каракулевые, хотя бы путем обмена, по мнению скотоводов, не только рискован, но и сопряжен с некоторыми затратами. Скрещивание же никаких расходов не требует и, в то же время, дает хорошие результаты. Вместе с тем, медленность скрещивания дает возможность хорошо ознакомиться с каракулеводством.

Что касается чистокровных каракулевых стад, то таковые сосредоточены только у скотоводов, проживающих в культурной полосе и южной части округа (Иолотань, Серахе, Тахта-Базар и др.).

Верблюдов, в районе некоторых колодцев, можно наблюдать партиями до 500 голов.

Большинство из них очень крупного сложения и хорошо упитаны.

*) Продолжение. См. "Туркменоведение" № 2 за 1928 г.

„СКАКУН“ ПУСТЫНИ.

О в в е д е н и е.

С марта месяца все бараны-производители отбиваются от общего стада, группируются в самостоятельные стада и пасутся в таком положении до самой осени, т. е. до наступления периода случки, начинающегося, приблизительно, с сентября месяца.

Случка тянется, в среднем, месяц. В хорошие годы % покрытия маток доходит до 100, в обыкновенные же до 75—80%.

Содержание беременных маток ничем не отличается от их обычного содержания, только ослабевших по какой-либо причине в холодное время загоняют в густо огороженное саксаулом место и подкармливают саманом и зерном.

В феврале месяце, т. е. ко времени появления новых трав, начинается ягнение.

Стада перегоняются на лучшие пастбища, где остаются дольше обыкновенного. Когда массовое ягнение проходит и ягнята достаточно окрепнут, стадо начинает быстро менять пастбища, чтобы захватить все лучшие травы, пока они не выгорели на солнце. Когда ягнята достигнут месячного возраста, начинается дойка овец.

Овечьё молоко идет в пищу как в свежем виде, так и в заквашенном. Часть идет на приготовление масла. Из остатков молока (*пахтанья*) готовится творог (*куруш*), который скатывается в катышки величиною с куриное яйцо и, в таком виде, складывается про запас на зиму.

Дневной удой овцы, в среднем, равняется $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ бутылки. Удойный период тянется около месяца.

Что касается ягнят, то с ними поступают следующим образом. Все худшие баранчики кастрируются в двухмесячном возрасте. В таком положении они живут в хозяйстве до 5 лет, т. е. до достижения наивысшего роста, а затем идут на убой и в продажу.

Лучшие баранчики выращиваются и на следующую осень поступают в стадо в качестве производителей. Таким образом, весь приплод того или иного года целиком поступает в хозяйство. Животные же самого старого возраста, т. е. приблизительно в возрасте 5 лет, идут на убой. Убывает же всегда меньше, чем прибывает. По словам некоторых хозяев, средний прирост общего количества овец равняется 10%.

Б о л е з н и с к о т а.

Яркое солнце, песок и сухость воздуха мало способствуют заболеванию животных, но все-же некоторые болезни проникают и сюда вместе с мелкими стадами, приходящими в пески из низовьев Мургабской оросительной системы.

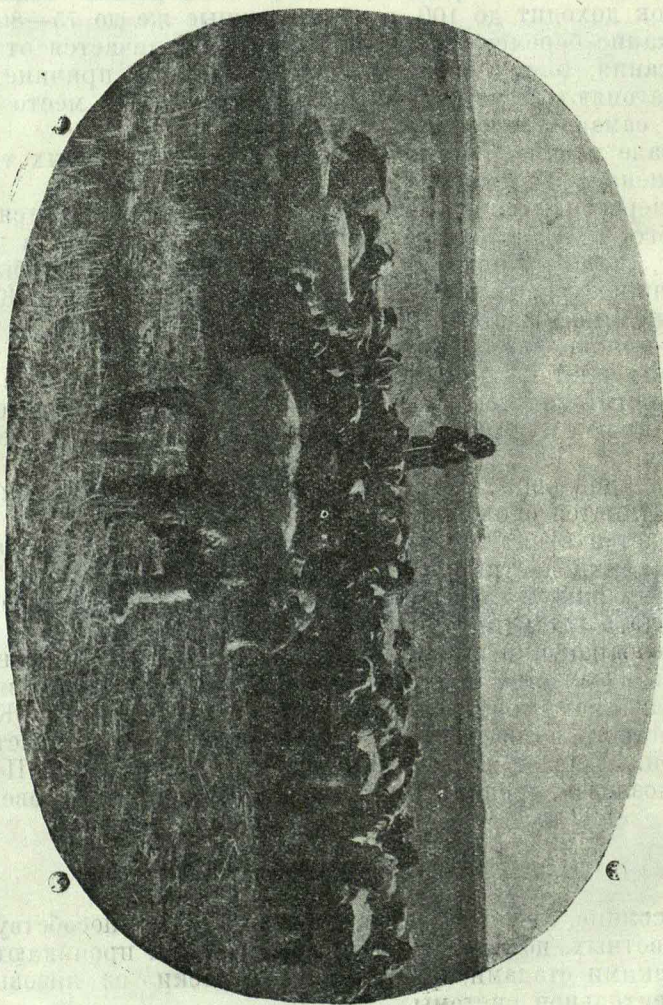
В большинстве случаев встречаются следующие болезни:

У взрослых овец—а) *Джа-джек*. Болезнь эта имеет все признаки оспы, продолжается обычно до одного месяца и несет с собой смертность до 20%; б) *Далак*,—имеет все признаки сибирской язвы.

У ягнят—*Гузы-кесел*. При этой болезни животное ложится, стонет, выделяет массу слюны. Смертность доходит до 100%. Заболевшее животное умирает через полчаса.

У верблюдов—а) *Кутур* (чесотка); б) *Гусин*—распространена преимущественно в сырых местах (низовья Мургаба). В начале лета на верблюда нападают особого вида оводы. У укушенного животного, преимущественно в области живота, в пахах, появляется опухоль.

НА ПАСТЫЩЕ В ПОЛУДЕННЫХ ЭНОЙ.

Животное теряет аппетит. У беременных маток происходят выкидыши, а выздоровевшая матка теряет способность давать потомство.

Болезнь эта продолжается до 3—4 месяцев и несет смертность до 15%; в) *Зюльпе*.—Болезнь заключается в сильном кашле и выдыхах. Продолжается до 2-х недель, дает смертность до 3%; г) *Отзы-баши* (все признаки ящура). Продолжительность до одного месяца. Смертность до 1%; д) *Сангыл*.—Продолжительность до 3-х дней. Смертность от 70 до 90%.

Способы лечения этих болезней у скотоводов весьма своеобразные. Например кутур, отзы-баши лечат лекарством „караяг“, которое готовится из верблюжьего и овечьего помета; зюльпе лечат луком, сангыл-даук—прикладыванием раскаленного железа и т.д.

Такие же болезни как гугеин, джа-джек, гузы-кесели, далак совершенно не лечат.

Ветеринарных пунктов, за исключением районных центров, расположенных от скотоводов иногда за сотни верст,—нет. Представление же о них скотоводы имеют самое смутное, а поэтому мер для охраны стад почти никаких не принимают, если не считать отгона стад в другое место. Больные животные из общего стада не изолируются, распространяя, таким образом, заразу.

Т о р г о в л я.

В кочевьях северной части округа торговли не только государственной или кооперативной, но и частной, за исключением джирчи, нет. Скотоводы за необходимыми им в хозяйстве продуктами и товарами вынуждены ездить в города за 100—200—250, а местами и больше, верст.

Обычно поездки свои на базары скотоводы приурочивают ко времени отвоза на базар продукции своего хозяйства, чтобы, продав сырье, закупить необходимые продукты питания и промышленные товары.

Таких поездок у скотоводов бывает в течении года одна и, в редких случаях, две, ибо поездки в города сопряжены с большой затратой времени, с большими трудностями и не меньшим риском.

Главными пунктами, в которых скотоводы покупают все им необходимое, являются: для северной части Мервского района (Чашкен и аулы севернее его) базары городов Мерва, Байрам-Али, а Тедженского района—Теджен и Ашхабад.

Необходимо отметить, что скотоводы Чашкена и сравнительно недалекие скотоводческие аулы низовьев Теджена имеют некоторое преимущество перед остальными скотоводами северной части округа. Первые получают часть товаров через свое скотоводческое товарищество, вторые, в сезон реализации сырья, иногда видят представителей тедженской сельско-хозяйственной кооперации у себя, которые, приезжая закупать сырье, привозят с собой разные товары.

В южной части округа скотоводы, живя в оседлых земледельческих аулах, отстоящих неподалеку от торговых центров, находятся в более лучших условиях.

Сырье и его сбыт.

Главным сырьем скотоводческих хозяйств является шерсть овечья (осенняя, весенняя), верблюжья шерсть, овчины, каракулевые шкурки, кожи. Периодом наибольшей реализации сырья является весна и осень.

Осенняя шерсть, лучшая по качеству, идет на выделку кошм. Верблюжья шерсть, почти полностью, идет на нужды хозяйства и на выделку ковров. Остальные виды сырья, в большинстве, поступают в продажу.

Главными пунктами, куда вывозится сырье, являются города: Ашхабад, Теджен (для низовьев Теджена), Мерв, Иолотань, Тахта-Базар, Серахс.

Семья скотовода-кочевника.

Кустарное производство и другие виды подсобного промысла.

Кустарный промысел у скотоводов-кочевников является подсобным промыслом в их хозяйстве. Изготавливаются, главным образом, кошмы, ковры, шубы (*пустур*). Последние выделяются только по заказу. Выделкой кошмы и ковров занимаются исключительно женщины. В некоторых аулах встречаются кустари-слесаря или кузнецы, которые занимаются изготовлением и ремонтом ножниц для стрижки овец, топоров и других предметов домашнего обихода. Выделка кошм производится в большом количестве. Часть их скотоводы оставляют для нужд своего хозяйства, а большую часть вывозят на базар для продажи. В некоторых аулах (Теджен, Чашкен) и осенняя шерсть почти целиком идет на выделку кошм. Здесь производство кошм развито потому, что кошма является одним из необходимых предметов хозяйства скотовода-кочевника, с одной стороны, а с другой—скотоводу-кочевнику выгоднее (как они говорят) продать кошму, нежели продавать шерсть по существующим ценам.

Из других видов подсобных промыслов в хозяйстве кочевника можно считать: охоту на лисиц, транспортирование продуктов, добычу и доставку саксаула. Охотой занимаются, в большинстве случаев, пастухи или лица, не имеющие достаточного количества скота в своем хозяйстве. Транспортированием продуктов, более зажиточ-

В КОЧЕВЬЯХ. ДОЯТ КОЗ

ных скотоводов, занимаются только кочевники, хозяйство которых настолько мало, что не может оправдать расходов по самому хозяйству и на содержание семьи. Добычей саксаула и продажей его занимаются также кочевники маломощных хозяйств, живущих неподалеку от городов и жел.-дор. станций.

Все эти подсобные промысла в хозяйстве скотовода не носят массового характера. Ими занимаются только отдельные хозяйства, и больших доходов они, конечно, не дают. Надо отметить, что эти три вида подсобных промыслов относятся, почти исключительно, к северной части Мервского округа.

2-й экз.

TURKMEN MEDENIJETI INSTITUTY
ИНСТИТУТ ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

3838316

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

(Turkmenistanь övreniş)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

67
25
42

ЮБИЛЕЙНЫЙ

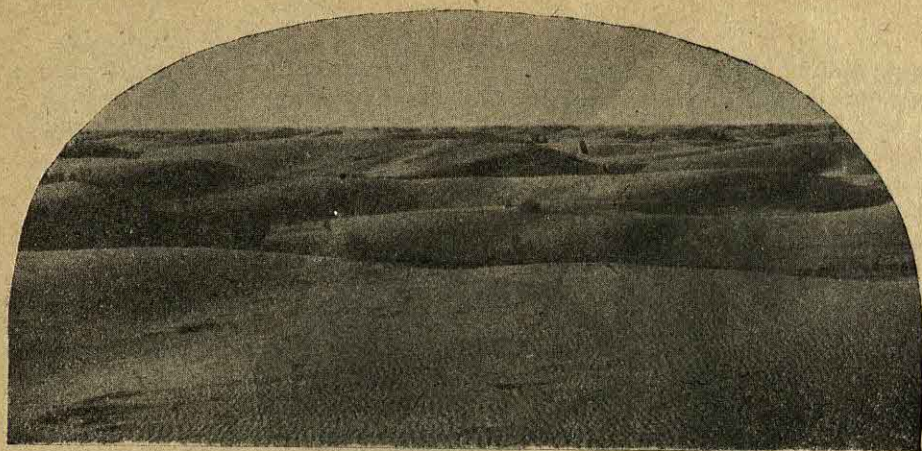
№ 10-11

Сентябрь-Ноябрь 1928 года.

(Год издания второй)

1878
10

Х А Б А Д

НОВОЕ В СТАРОМ

(Советская власть в кочевьях Туркмении)

Г. КОСТИН.

Не так давно жители туркменских кочевий не имели, почти, никакого представления о подлинных формах Советской власти.

Мелкие группы кочевников, разбросанные по песчаным степям и отрезанные от маломальски культурных центров сотнями верст сыпучих волн, увидели впервые у себя на месте Советскую власть, в лице своих аулсоветов, только с 1925 года.

До этого каждая отдельная группа, в несколько кибиток, входила, или, вернее, формально была приписана по своей родовой линии к советам, находившимся на расстоянии долгих переходов от ее местопребывания.

Все свои вопросы кочевники решали обыкновенно с помощью „яшули“, и властью для них был тот, кто собирал налог.

„Яшули“ у кочевников был „высшей властью“, „Наркомюстом“, „Верхсудом“ и т. д.

В связи с таким положением, конечно, не приходилось пока и думать о каком либо культурном строительстве.

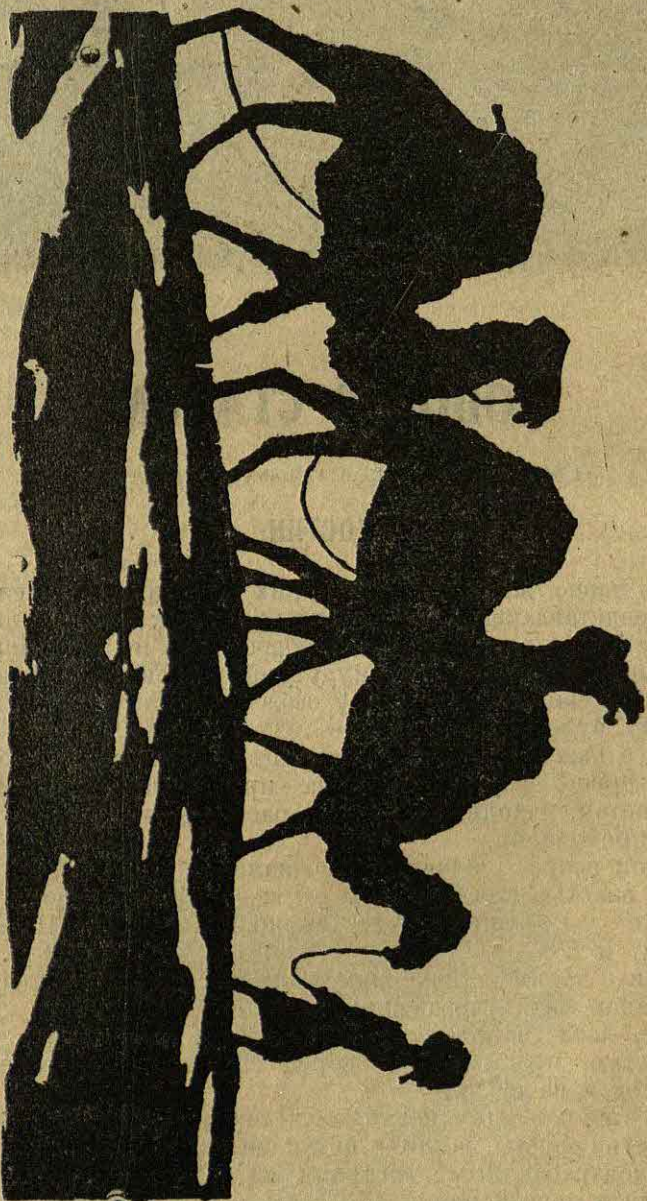
Но вот, после напраздмежевания, Советская власть, не смущаясь трудностью поставленной перед собой задачи, объявила культурный поход и на пески.

К далеким колодцам потянулись караваны. „Корабли пустыни“, отмеряя долгие версты, везли в пески не калтаманов, не купцов Хивинских с контрабандными товарами из Хоросана и не искателей приключений и легкой наживы.

На смену мулле, что прославляет Аллаха и учит смиренному почитанию его, обещая за это лучшее в загробной жизни, Советская власть отправляла в пески „советского муллу“—учителя и пропагандиста заветов Ильича.

На смену табибу, что истязает больных при изгнании „беса“, Советская власть посылала в пески „советского табиба“, „дохтура“, который имеет „дермен“ от всех болезней.

Руч. ТЕРАЧМОБА.

С. Осаапа.

И, постепенно трескаясь, лед тронулся... Волна пробуждения докатилась и до далеких колодцев песчаной пустыни. В кочевьях Туркмении стал нарождаться новая жизнь.

А сегодня кочевий не узнаешь.

Кочевники имеют уже 38 советов. Они сами их выбирали. Выбирали дружно. На выборные собрания шли охотно, и даже женщины, почти полностью, использовали свои избирательные права.

Вопросы аула теперь решает совет. Совет находится близко от своих подопекаемых.

Невиданное до-селе событие—там, где в год один раз по учету объектов обложения показывался представитель дальнего совета, или просто технический работник по учету скота,—заседает свой совет.

На колодцах „Кепеле“, „Мулла Курбан“, „Кизыл-Сакал“, „Кырк-Кую“, „Кары-Чирла“ заседают советы и решают вопросы своей жизни, вопросы развития скотоводческого хозяйства, постройки колодцев с машинной установкой, постройки цементированных водохранилищ—„как“, обсуждают вопрос о завозе племенных каракулевых производителей, слушают доклады о работе кредитных т-в, доклады учителя, медработника; они просят открыть школу, улучшить снабжение товарами, дать скотоводу хлеб.

Здесь же созываются общие собрания скотоводов. На этих собраниях живо, с большим интересом, кочевники обсуждают вопросы своей жизни, вопросы улучшения своего хозяйства. Слова: „пленум“, „президиум“, „собрание“—входят в обиходный язык кочевника.

А вот на колодце Кырк-Кую собирается отдельно собрание женщин. Собралось их 65.

Эти собрания обсуждают вопрос о раскрепощении женщин, объявляют поход против калыма, кайтарма и прочих пережитков старого быта; выносят решения об организации ковроткацкой артели, о снабжении ее красками и орудиями производства, о покупке швейной машины.

Кочевники теперь имеют свою школу (до 30), не школу „мектеб“, а школу советскую.

В каждом совете теперь есть школа соцвоса и школа ликбеза. Кочевники уже поняли ее значение и ценят.

За это говорят цифры. Вот, хотя бы, взять к примеру Бахарденский район. 3 школы соцвоса имеют 68 учеников,—это в среднем на одну составляет 22. Много-ли у нас таких школ в земледельческой полосе, где они существуют по меньшей мере 8-10 лет? Нет. Мы знаем, что многие школы земледельческой полосы до сих пор еще не укомплектованы и имеют не больше десятка—полтора учеников.

А школы ликбеза? Они имеют учащихся 83 чел., что в среднем составляет 27 на одну школу. Разве это не показатель того, что кочевник понял значение школы и хочет быть грамотным.

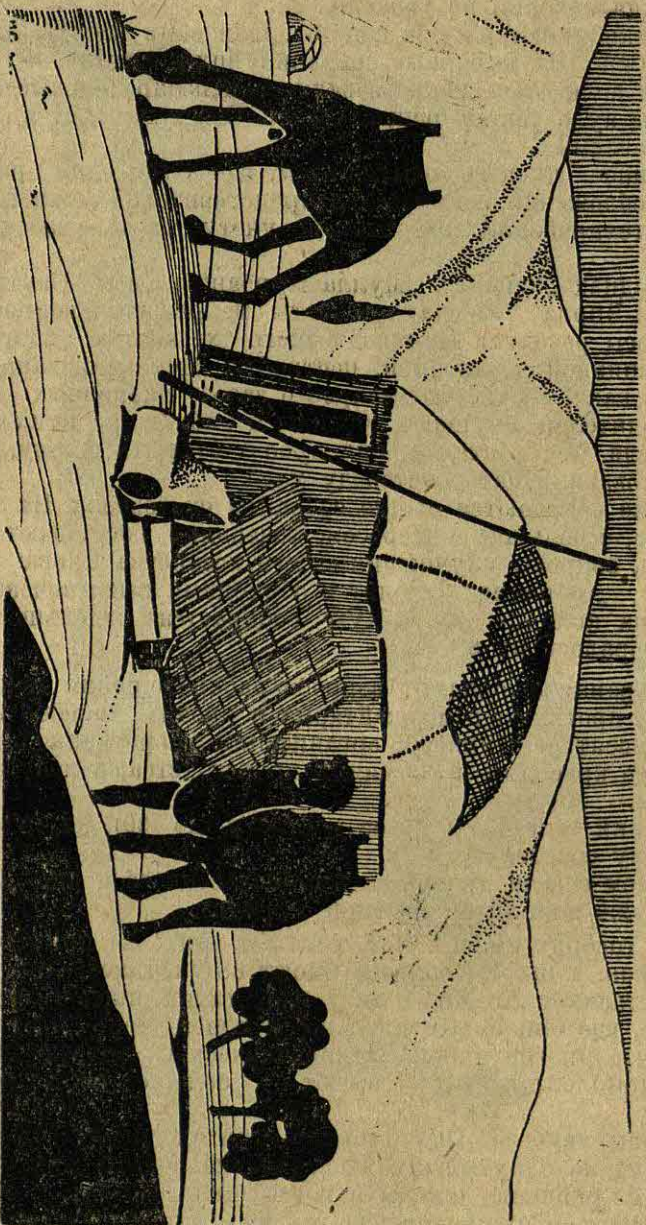
Не анекдот, а сущая правда то, что когда ребята увлеченные учебой, уйдя в пески к стадам,—на песке чертили цифры и писали слова, состязаясь в успехах один перед другим.

Сейчас многие взрослые, побывавшие в школе, уже сами читают газеты.

Ишаны и муллы со своими „мектебами“ отходят на задний план.

Но этот успех еще не дает нам права „почтить на лаврах“, по-

Рис. ГЕРАСИМОВА.

В кочевьях.

Киштка кочевника.

тому, что не все еще хорошо. Есть, конечно, и недочеты. Наиболее большим из них, по нашему мнению, является недостаточное снабжение учащихся учебниками и наглядными учебными пособиями.

Появляющийся широкий спрос на учебу у кочевников ставит перед нами вопрос об изжитии этих недостатков и о расширении школьной сети.

Помимо школ надо организовать специальные интернаты для детей кочевников, или расширить существующие в районных центрах, за счет увеличения количества детей кочевников в них. Кочевники имеют большое желание учить своих детей в интернате. Это желание необходимо использовать. Кроме того, вполне своевременно теперь же поставить вопрос об организации кибинок-читален в местах, где будут открыты школы, с установкой в них радио-приемников. Об этом должен серьезно подумать Наркомпрос.

Что еще есть нового у кочевников? Советская медицина. Кочевники охотно идут за медпомощью на фельдшерские пункты, организованные в кочевьях в прошлом году (9 пунктов). Табибы отходят уже на задний план, почва из под их ног выбита. Спрос на медпомощь со стороны кочевников настолько возрос, что во многих местах (Бахарден, Мерв, Теджен) они теперь не удовлетворяются одним лекпомом и хотят чтобы у них были организованы врачебные пункты с полным штатом медицинского персонала (врач, акушерка, лекпом).

* * *

Далеко, на севере Мервского района, возле большого караванного пути, идущего на Хиву, там где высокие гряды песку, подвластные степному ветру, переливаются, журча, как ручей,—на колодце, носящего название черного озера—„Кара-Коль“,—в этом году построена культурно-экономическая база.

Там, где Таймаз-бай, известный далеко за пределами района, жил и прумножал свой стада путем беспощадной эксплуатации батраков—там гордо возвышаются стропила и „леса“ вновь строящихся европейских зданий, еще невиданных в песках.

Такую же картину можно наблюдать и в северной части Бахарденского района. Здесь тоже в текущем году заканчивается постройкой культурно-экономическая база. 3 больших здания: аулсовет, медпункт, кооператив и школа—украшают колодец „Культакыр“.

И действительно,—новое невиданное, что-то чудесное: представьте себе на минуту—кругом кудрявые барханы песка, густые заросли диких растений—саксаула и гребенчука, несколько десятков кибинок, разбросанных группами у небольшого колодца, и среди всего этого два-три больших европейских здания, над которыми высоко развевается красный флаг, а фасад их украшают вывески: „школа“, „кооператив“, „аулсовет“, „врачебный пункт“.

Это основа, фундамент будущего культурно-социального строительства в песках. Но это только начало. В будущем строительном сезоне таких баз будет построено еще 4. Каждая из них будет иметь по 3 здания, предназначенных под кооператив, школу, медпункт и ветеринарный пункт.

Эти базы будут построены в ауле Дузлу-Олум—Атрекского района, и на колодцах: Огламыш—Красноводского района, Томуклы—Казанджикского района, Харджагаз—Тедженского района.

И так, из года в год, количество баз будет расти, и постепенно будут создаваться культурно-экономические центры для кочевников. Как островки среди безбрежного моря песков—эти базы будут ласкать взор обитателя песчаной пустыни, будут удовлетворять его нужды и пробуждать в нем новую жизнь.

Не так давно произошло еще одно небывалое событие—по кочевьям проехала кино-передвижка.

Джарчи кричал, что из города привезли какую-то машину и будут показывать живых людей.

И вот, когда начало темнеть, отовсюду стали собираться, посмотреть диковину—сначала дети, в припрыжку, обгоняя один другого, затем мерней, развалистой походкой, не спеша, стала подходить молодежь и старики. Все с большим любопытством следили за всем, что делал механик.

Ведь это все новое, еще не виданное для них. Многие ходили и общупывали полотно, ящики. Когда стемнело и гулко затрещал аппарат, а на полотне появились первые движущиеся тени, толпа загудела. Всякое новое явление встречалось громкими выкриками удивления. Взоры всех—и старых, и малых—были прикованы к полотну.

Это событие надолго запечатлелось в умах кочевников. К сожалению, правда, картины показываемые кочевникам малопонятны для них, далеки от их жизни. Ну представьте себе,—что может понять кочевник, не видевший на своем веку ничего дальше своего аула, или какогонибудь базарного центра, в таких картинах, которые им преподносит Туркменфильм—„Разбойник Арсен“, „Дорога к счастью“ и т. д. Говоря о новом в кочевьях—о положительном, нужно сознавать, что кроме нового, в кочевьях осталось еще много и старого.

Ветеринарная и зоотехническая помощь отсутствует и кочевники поговаривают о том, что хорошо бы у них организовать хотя бы объединенный ветеринарно-зоотехнический пункт, который помогал бы им выращивать и размножать свои стада и улучшать их качество. Об этом мечтают кочевники давно и их мечта должна сбыться теперь.

Не мало тяготит кочевников, особенно бедноту, то, что вопрос водопользования до сих пор остается неразрешенным. До сих пор колодцы принадлежат отдельным лицам, которые за пользование водой в лучшем случае берут в год 2-х верблюдов со стада овец в 500 голов.

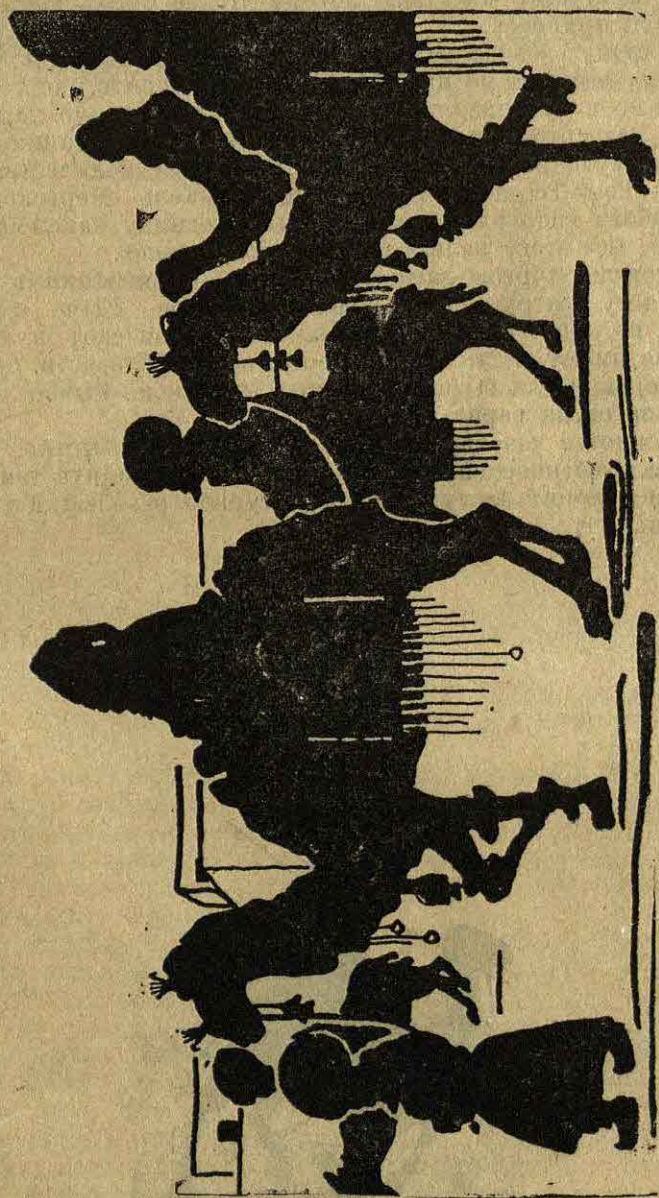
Кочевники считают вполне своевременным разрешить вопрос водопользования так, чтобы все колодцы были переданы в общественное пользование и закреплены за отдельными обществами.

Кроме того, колодцев в кочевьях не хватает. Сейчас кочевники предъявляют требования на рытье новых колодцев, но не знают куда им обратиться с этим вопросом и кто бы им мог помочь в этом деле.

Кормовой вопрос также не разрешен до сих пор. Прошлый год, со своей холодной зимой, причинил много бед и несчастий кочевникам. Много скота погибло из-за недостатка корма.

Кочевники охотно пойдут на заготовку корма, если только кто-нибудь возьмется организовать у них это дело. А организовать его надо немедленно. Наряду с заготовками корма, кочевники некоторых районов (Бахарден) пытаются поставить перед центром вопрос об организации фуражных баз, на случай бескормицы и засух, для снабжения кочевников суррогатными кормами (жмых, шелуха и проч.).

Рис. ГЕРАСИМОВА

В кочевьях.

Свадебная процессия.

Такие базы, по мнению самих Бахарденских кочевников, необходимо организовать на колодцах: Куль-Такыр, Сан-Сыз и Даш-Аяк.

Кочевник по прежнему беспомощен в борьбе с волками и орлами, опустошающими их стада, потому что не имеет оружия и необходимых огнеприпасов.

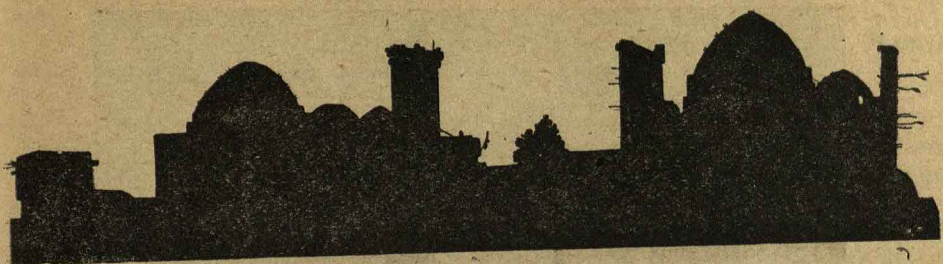
По старому обстоит дело со снабжением скотоводов товарами. До сих пор кочевник не имеет возможности купить, не только у себя в ауле, но и поблизости, то что ему необходимо для семьи и хозяйства. Развертывание сети кооперативов идет слишком медленно, а существующие не имеют достаточного количества товаров (к. Эрбент—Геок-Тепинского района и Кара-Коль—Мервского района)

Эту работу надо развернуть и дать кочевнику как можно скорее кооператив. Без этого нельзя оставить кочевников.

Отсутствие торгово-заготовительных организаций в кочевьях создает массу затруднений кочевникам при сдаче с/х налога. Кочевники не могут нормально реализовать свой скот и сырье потому что не имеют, не только на месте, но и поблизости, той организации, которая могла бы ему помочь в этом деле. Рынок же сбыта находится за сотни верст.

Новоз идет в кочевья, но идет не достаточно быстро. Надо сосредоточить особенное внимание на кочевьях, усилить темп советизации их и ускорит наступление культурной революции в этих глухих уголках.

КУНЯ—УРГЕНЧ

(Из путевых заметок)

Ныне небольшой районный центр, с малочисленным населением, — Куня-Ургенч — в прошлом был большим городом — столицей Хорезма, — одним из культурнейших центров того времени.

Вот, что говорит легенда, передающаяся из уст в уста среди коренных жителей, о Куня-Ургенче — Ургандже, как он тогда назывался, — записанная мною со слов одного престарелого муллы:

„В древние времена, в районе местности, где впоследствии был заложен город Ургандж появился громадный змий. Этот змий причинял много бедствий населению.

В конце концов, население, не будучи в силах вести борьбу с ним, должно было пойти на уступки и давать змию как откуп, на сечение ежедневно одну девушку.

Время шло. Настал день, когда очередь дошла до дочери падишаха Султан-Махмуда Газнави — красавицы, по имени Ур (ангел). После долгих раздумий, все же, чтобы не навлечь гнев змия и избежать грозящих царству бедствий, султан Махмуд решил расстаться с красавицей-дочерью Ур.

И вот, когда Ур вышла за городскую стену, на дороге, в степи, недалеко от той местности где жил змий, она встретила двух мальчиков, оставленных, или потерянных в степи каким-то кочующим населением.

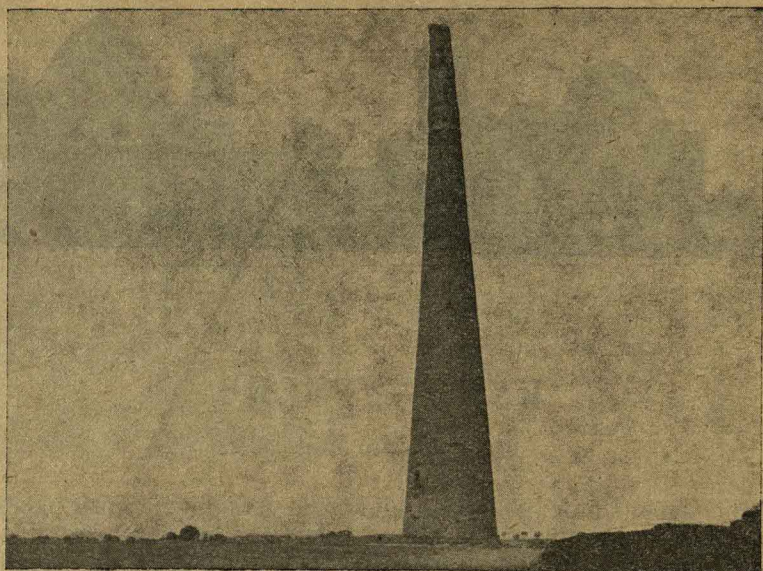
Один из них носил имя Хорезм, а второй — Хебаш. Хорезм, увидев одинокую, печальную девушку в необычной для нее обстановке, спросил Ур, чем вызвана ее печаль и куда она идет. Ур рассказала ему в чем дело и рассказала о том, что она идет к змию, т. е. очередь быть жертвой дошла до нее и она во имя спасения своего племени, отца и государства должна пожертвовать собой.

Хорезм, узнав от Ур о силе и власти змия, о причиняемых им бедствиях, совместно со своим другом Хебаш принял решение спасти девушку и избавить навсегда народ от бедствий.

Хорезму и его товарищу удалось благополучно достигнуть становища змия, и они убили его. Ур была доставлена обратно к отцу — Султан-Махмуду Газнави.

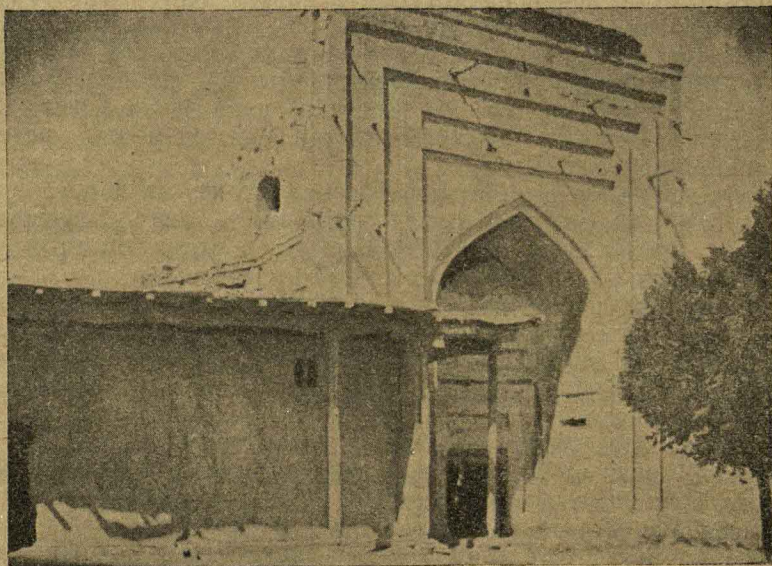
Султан-Махмуд был необычайно рад и, в благодарность за спасение своей дочери, решил отдать за Хорезма Ур.

КУНЬЯ-УРГЕНЧ.

МИНАРЕТ (вид с юго-запада).

КУНЬЯ-УРГЕНЧ.

МАВЗОЛЕЙ АЛИ-СУЛТАНА (портал главного входа).

После этого Хорезм отправился в стан змия—на розыски сокровищ чудовища, которые им были вскоре найдены.

На том-же месте, где они были найдены, Хорезм основал новый город, который назвал по имени своей жены Ур.^(*)

* * *

При осмотре Куня-Ургенча особенное внимание привлекают исторические памятники, памятники былого величия и славы Хорезмской столицы—Ургенджа.

Неподалеку от нынешнего Куня-Ургенча, в полуверсте примерно, находится могила и мечеть Хозрат-Али, построенная Амир-Тимуром Керяган. Год постройки точно неизвестен, но известны две даты: со дня смерти Хозрат Али прошло 730 лет, а сам строитель Амир Тимур Керяган умер 580 лет тому назад.

Мечеть носит название Хозрат-Шейх Кубара.

При входе, на гробнице, на синем фоне белыми эмалевыми буквами, имеется много надписей, восхваляющих Хозрат-Шейха.

Одна из верхних надписей гласит: „Кто посетит эту гробницу (Хозрата)—так это равноценно (по важности) посещению гробницы Магомета в Мекке“.

Внутри гробница имеет так-же массу надписей, при чем возле гробницы имеется квадратный стол (напоминающий кафедру) в 2 раза (примерно) выше гробницы.

Предание говорит, что в гробнице похоронено тело Хозрат-Али, а под этим столбом его голова (была отрезана монголами при взятии города). Вот это предание полностью: „Хозрат-Али имел сына по имени Хозрат-Гасан. Потомство последнего уже называется Хозрат Гасан Азам, от которого был еще потомок, по имени Ахмед Ибн Омар Хейвячи. Этот последний был хорошо ученый и обладал способностью творить чудеса.“

Когда он стал думать о том, что по учености нет никого выше его, то ему опытные люди сказали, что он еще должен обучаться у Шейха Исмаила в Багдаде и после того, как тот удостоверит его ученость, только он может говорить о своей учености.

Ахмед Ибн Омар Хейвячи, таким образом, был принужден поехать к Шейху Исмаилу в Багдад. Пробыв у него долгое время Ибн Омар Хейвячи получил от него прозвище: „Неджеметдинэ Кубара (т. е. Великая Звезда Религии).“

После он получил от Шейха разрешение вернуться на родину, и возвратился в Хиву, но так как тогда столица находилась в Ургендже (см. примечание), правитель Султан Махмуд пригласил его переселиться со своими приближенными и учениками в Ургендж. Неджеметдинэ Кубара согласился и переселился в Ургенж—до нашествия монголов.

Монголы в первый раз не сумели взять город благодаря „чудотворениям“ Хозрата. Он сделал так, что город обнимался густым туманом. Монголы, узнав о действиях и влиянии Хозрата, послали ему весть с предложением выйти, при чем обещали его не трогать, но Хозрат на это ответил, что он не уйдет от этого народа,—что мол он был с ним при хороших днях, останется и при плохих.

Через некоторое время внук Чингиз-Хана—Ялгуз-Хан (сын Халакума) увидев однажды Хозрата в саду—убил его, при чем Хозрат,

*) К имени Ур было прибавлено слово Гендж (место сокровищ). Отсюда, по легенде, и пошло название—Ур-Гендж, перешедшее затем в Куня-Ургенч.

когда Ялгуз-Хан на него напал, схватил его за волосы, — в каком положении они и остались.

После никак не могли освободить Ялгуз-Хана от руки Хозрата, — пробовали отрезать волосы — они не отрезались, пробовали голову отделить — тоже не выходило. Тогда правоверные собрались и сказали, что он не освободится — пока не отречется от своей веры и не примет магометанскую. Ялгуз-Хан, таким образом, приняв магометанство, освободился от руки Хозрата, но . . . неожиданно умер.

Их похоронили вместе.

Амир-Тимур Керяган построил Хозрату памятник-мечеть, под большим куполом которой находится „святая гробница“.*)

* * *

Несколько дальше от могилы Хозрат-Шейх-Кубара находится памятник Кара-Капы (черная дверь). Об этом памятнике также существует легенда, которая говорит, что когда строили эту мечеть и она уже была готова, и оставалось только навесить двери, на утро строители были удивлены тем, что дверь оказалась навешанной. Это было принято за чудо и с тех пор это место стало „святым“.

В нескольких верстах от этих могил стоит минарет, или минар, как его называют местные жители. Минар этот выстроен, по словам стариков, 764 года тому назад. Высота его необычайна. Сохранился он в достаточной мере хорошо, только нет верхушки. Во время карательной экспедиции генерала Гонкина верхушка была досужими артиллеристами сбита из орудия.

В окружности фундамент минара имеет 65 шагов. Вход в минар находится на высоте 8—10 метров от земли и попасть во внутрь его трудно.

Несколько в стороне стоят сохранившиеся остатки дворца Тюря-Бек Ханым, постепенно разрушающиеся от времени. Отделка купола внутри, почти полностью, сохранилась и представляет из себя тонкую, великолепную мозаичную работу — не менее великолепно-го рисунка. Винтовая лестница, ведущая наверх, пришла в полную негодность и всякий, желающий попасть наверх, рискует ежеминутно сорваться.

Еще немного дальше есть гробница Али-Султана, насчитывающая 356 лет.

Говорят, что под гробницей имеется пустое место и там похоронены древние правители этой страны. Пустота подтверждается не только здесь, но и в остатках дворца — подземным гулом от удара ногой.

Еще дальше, версты 3—4, находятся развалины старинной крепости.

Чем еще интересен Куня-Ургенч? Здесь много древних монет, книг.

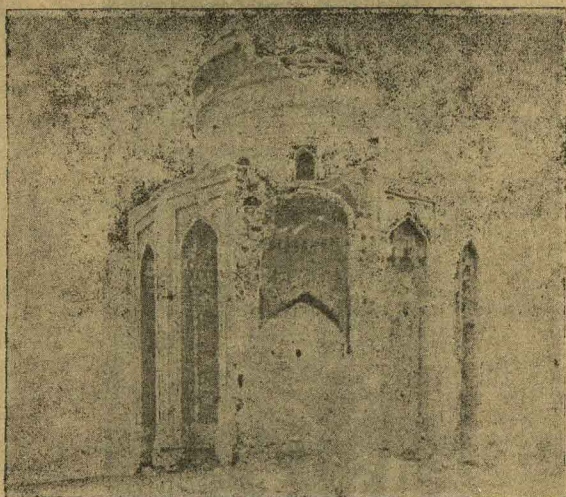
В сравнительно недолгий период времени пребывания в Куня-Ургенче мне удалось достать несколько серебрянных монет, имеющих дату 834 года, 831 года (мусульманского летоисчисления) и других времен, — до 100 медных монет разного времени, разных форм и с различными надписями.

Определение этих монет требует времени и специалиста, знающего хорошо нумизматику.

По рассказам местных жителей, большое количество таких монет можно найти в окрестностях минара и у развалин дворца „после

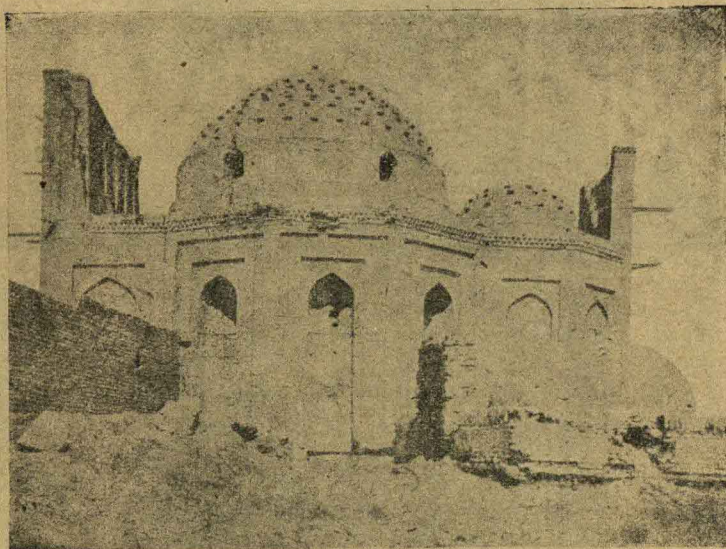
*) Перевод легенд — дословный. Стиль сохранен.

КУНЬ-УРГЕНЧ

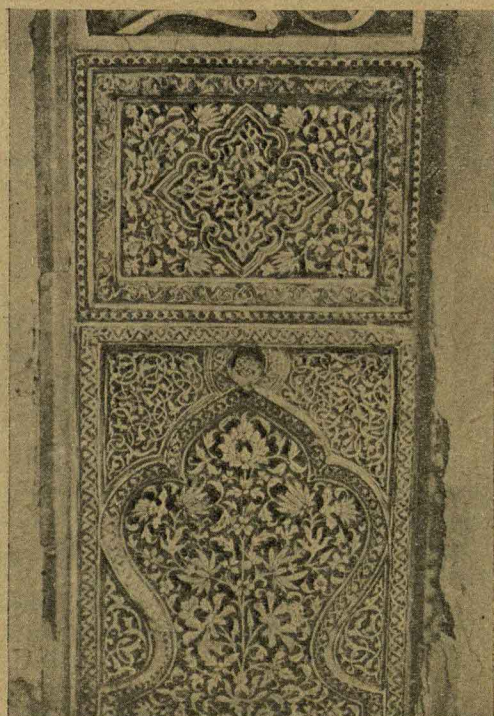

ГРОБНИЦА ТУРА-БИВИ-ХАНЫМ.

КУНЬ-УРГЕНЧ.

МАВЗОЛЕЙ АЛИ-СУЛТАНА.

Деталь орнамента портала мавзолея Шейха Кевир-Ата.

сильного ветра и дождя"—прямо на поверхности земли. Иногда находят даже золотые монеты.

Нахождение золотых монет объясняется здесь так-же легендой:

„Дворец был выстроен одной девицей—дочерью какого-то правителя. До этого она имела другой дворец, который продала или передала кому-то за большую сумму денег, на которые и выстроила себе новый дворец. Но не все деньги ушли на постройку и их много еще осталось, и вот она (эта девица) весь остаток золота разбросала по ветру“.

Каждая пядь земли Куня-Ургенча, каждый предмет имеет свое предание, легенду.

* * *

Время идет. Все исторические памятники Куня-Ургенча приходят в ветхость. Время, дожди и ветер делают свое дело и постепенно все эти памятники превращаются в развалины, и недолго то время, когда они придут в такое состояние, что их сохранить будет невозможно.

Необходимо, и как можно скорее, обратить самое серьезное внимание на Куня-Ургенч и на памятники его седого прошлого,—принять меры к их охране и приступить к их ремонту.

Г. КОСТИН.

